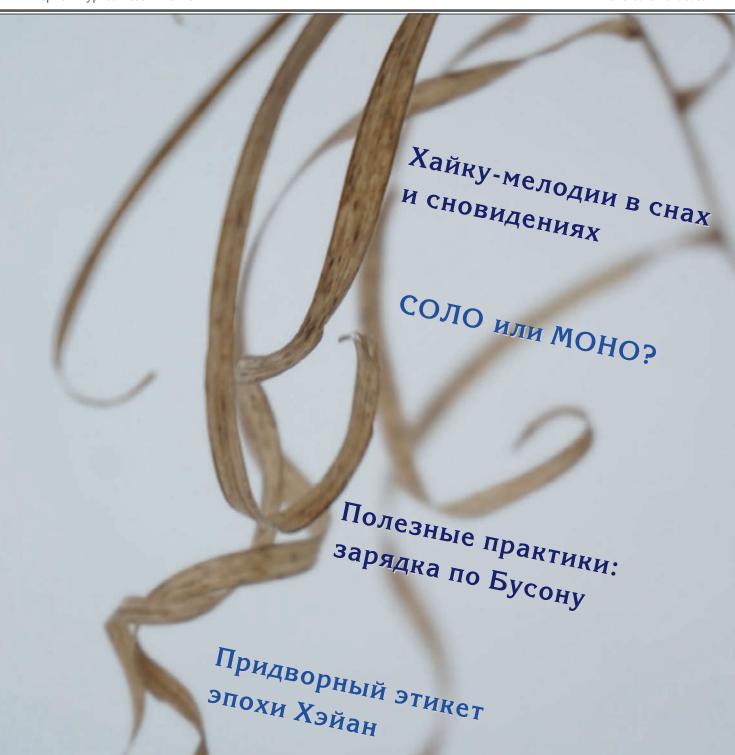

Улитка

№ 14 весна 2016

интернет-журнал поэзии хайкай

www.ulitka.haiku-do.com

Марина Даренская о книге Михаила Ежова "Облака над базаром"

...Сколько знакомого мне народа думают: хайку — не про нас. Что-то вычурное японское.

Все же так просто! Пошупал, посмотрел, удивился, хихикнул своему привычному, или чужому даже, сделал открытие. Вроде не такое важное, но ты удивлен, ведь не замечал. Не смотрел даже.

Хайку — это такие маленькие открытия.

Нам привычно спешить на работу, беспокоиться о детях, здоровье, деньгах, думать, что будет завтра. И совершенно без пользы, потому что завтра другие обстоятельства напрочь всё перетасуют, перевернут и переврут. Обкрадываем себя, а время бежит, и всё мимо... Кто-то вырос, кто-то постарел, и вот уже весна осыпалась цветами, а там и Новый год, и снова по кругу.

А тут пришла по почте книжка, стильная такая, матовая снаружи, с холодными гладкими страницами в инопланетно-наскальных челобресах. Цвета бледно-голубого, кофейного, кофе-молочного. Издательства "Тьмутаракань." Полная открытий Миши Ежова.

под вывеской "духи на розлив" шикарно пахнет дождем

котел кипятка в красных чашках тюльпана вишневые лепестки

Видели вы там лепестки, а? Помните хоть, как пахнут тюльпаны?

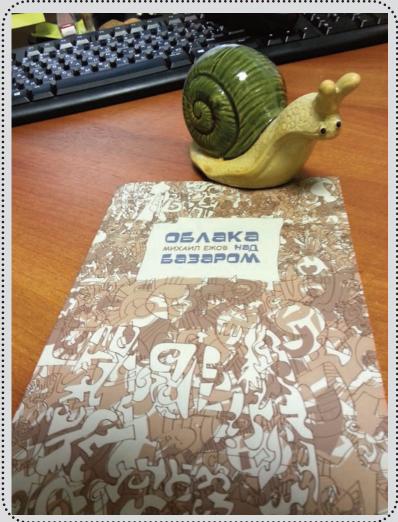
спину сорвал у постели моей склонились срезанные цветы

> выбрал витрину зашел и смотрю на дождь

> пока мы с тобой целовались украли луну

Взяла строфы наугад, без выбора. Хотя выбор там хорош! Берешь и примеряешь к себе чьи-то открытия. Вот я принарядилась. Дочитала.

Р. S. Хайдзины — как дети: смотри, я увидел то, смотри, я увидел это... И вдруг увидел так, что стало очевидно всем.

Колонка редактора

С добрым утром, дорогой читатель!

Необычное приветствие? Не удивляйтесь, это просто номер у нас нынче затрагивает тему снов. И еще тему музыки. И еще... Впрочем, давайте по порядку.

Бодрые тизеры на обложке призваны напустить интригующего тумана, я чуть-чуть его развею, перемежая текст стихами из номера.

> служебный автобус касаясь плечами смотрим в туман (А.Шитковский)

Что касается снов и мелодий - это о результатах двух соответствующих конкурсов, проводимых нашим журналом. Любопытно, что идея сновидческого турнира возникла после появления в Фэйсбуке сообщества "Сонное царство", куда некоторые участники подбрасывают иногда тематические трехстишия.

Идея конкурса хайку о мелодиях, музыкальных инструментах и исполнителях не нова, была однажды удачно реализована в команде "Смычок и струны" в игре "Командная ренга - 6", но и в этот номер журнала попало много свежих по звучанию трехстиший и пятистиший о музыке.

> удачная рыбалка перегоняя повизгивает пёс (М.Ляблин)

Кстати, о пятистишиях: от номера к номеру растет интерес к танка, увеличивается количество авторов, пробующих себя в этом жанре. Редакция "Улитки" уже который номер упорно подбрасывает поленья в этот разгорающийся костер, стараясь поддержать этот интерес.

В частности, сегодня в рубрике "Критика / Статьи / Интервью" можно прочесть про куртуазную лирику и иронию в пятистишиях кавалеров и дам эпохи Хэйан, оценить степень устойчивости, граничащей со штампом, метафоры "увлажненный рукав", и многое другое из статьи Т.И.Бреславец - об этом последний анонс обложки.

> поздние хризантемы есть о чем поговорить с соседкой

> > (А.Ладина)

Отмечая растущее количество стихотворных цепочек, написанных соло, редакция сошлась на том, что потребность в монологе (в форме диалога с самим собой) можно охарактеризовать как черту именно наших хайдзинов. Потому что известно весьма мало примеров англоязычных ренга, написанных в одиночку. Из японских аналогов, пожалуй, сейчас вспоминается лишь ренга "Соги доку-гин" средневекового поэта Соги (1421-1502).

На стр. 17 японист Наталья Румак поделится некоторыми правилами "золотого сечения перевода" - это поиск лексического эквивалента, звукоподражание, ритм и других тонкости процесса. Причем, анализ перевода дан и на примере хайку Иссы про улитку.

Полезный опыт на стр. 76: если семьдесят семь дней подряд каждый день(!) фиксировать дневные впечатления в форме хайку, то к концу такой практики "поэтическое зрение" и точность слога будут доставлять массу удовольствия и вдохновлять на дальнейшее и самого автора, и читателей.

Что касается традиций, постепенно возникающих в недрах нашего журнала, то одной из них, зародившейся недавно, но весьма ценимой и нами, редакторами, и читателями журнала, мы завершаем четырнадцатый номер. Новые рассказы Светы Литы, разворачивающие хайку Ольги Черных в яркие и необычные по стилистике и сюжетам истории, вы прочтете в рубрике "Фэнбун". Аналоги содержимого этой рубрики искать нет смысла, их пока нет, поэтому читайте и получайте удовольствие. И от фэнбунов, и от хайбунов, и от хайку и сэнрю очередного выпуска. Relax and enjoy the view!

> глубинка облака никуда не спешат (В.Ветлин)

Традиционные хайку	4
Критика	
Танка	21
Хайбун	28
Сэнрю	29
Тема номера	32
Рэнга	36
Современные хайку	42
Фристайл	86
Фэнбун	89

В этом номере:

Константин Авхимович Анастасия Немчук Владимир Аграновский Татьяна Анисовичене Наиля Ахунова Анастасия Бабкина Татьяна Бреславец Виктор Ветлин Элина Витомская Надежда Владимирская Александр Галкин Николай Гранкин Людмила Грачева Марина Даренская Евгений Иваницкий Ниёля Керушаускене Алексей Ким Светлана Кондратьева Светлана Крюкова Дмитрий Кудря Сергей Курбатов Анна Ладина Андрей Ларионов Света Лита Сергей Луценко Михаил Ляблин Валентина Назарова

Хана Нестьева Александр Новожилов Максим Паладин Любовь Пахомова Полина Печерская Яна Полтарак Алексей Пральников Наталья Румак Петр Савченко Людмила Скребнева Мирослава Славная Светлана Соколова Ольга Сторожева Галина Сухорукова Таня Танина Инесса Фахрутдинова Алексей Фан Лана Федотова Инна Хмель Радион Хузин Ольга Черных Александр Шитковский Сергей Шпиченко Иса Мацусита Конобуки

интернет-журнал поэзии хайкай УЛИТКА www.ulitka.haiku-do.com

весна 2016 !! выпуск 14

Полная или частичная перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

РЕДАКЦИЯ ulitkaonline@gmail.com Гл.редактор Александр Кудряшов (Graf Mur)

Редакторы Элина Витомская (ЭВ)

Анатолий Ильц

Лариса Семенова (Иса)

Елена Шастина (Shen)

Логотипы Саша Чекалов

Обложка Кира Иванова

Фото в журнале Кира Иванова

Дизайн и верстка Александр Кудряшов

Следующий номер "Улитки" выйдет осенью 2016 года

Традиционные хайку / classic style haiku

Анастасия Бабкина

мерзлая земля снег выстилает контур еловой ветви

оттепель у рождественской ели мягкая хвоя

> мокрый снег свешивается набок верблюжий горб

цветение вишни подпоясана бинтом телогрейка

Иса

набежавшим дождем повалило в сторону соседей цветущие мальвы

низкое солнце... в выгнившем чопике* поселился жук-длинноусец

> остаются в бутонах "ночной красавицы" мелкие букашки...

в затоне реки ливни приподнимают цветущую ряску

короткое лето... на ветвях забродила войлочная вишня

Ильин день петушки подпрыгивают за мелкими стрекозами

осенний день окотившаяся третьего дня кошка свернулась клубком

^{*} чопик (чоп) — деревянная затычка/пробка в форме конуса

Традиционные хайку / classic style haiku

Алексей Ким

церковная ограда переплелись поколения хмеля

Виктор Ветлин

свежий стожок все тепло бабьего лета

Ниёля Керушаускене

осенний день падает солнечный луч на пустые качели

Сергей Шпиченко

бабье лето сушатся на газете семечки тыквы

Александр Шитковский

искорки костра над облетевшим садом млечный путь

Инна Хмель

осенний месяц вторую ночь протяжный звук рога

Традиционные хайку / classic style haiku

Михаил Ляблин

на солнце он ещё зелёный покрасневший клён

перья облаков по льду озера камыш семена распушил

Радион Хузин

трескучий мороз у луковицы в чулке зелёное перо

Владимир Аграновский

ранняя оттепель руки пугала в старом пальто

Татьяна Бреславец Лирика японского поэта Аривара Нарихира

В IX столетии в японском поэтическом искусстве сложилась плеяда выдающихся мастеров лирической поэзии. Среди них ведущее положение занял Аривара-Нарихира (826-880). Поэт был внуком императора Хэйдзэй (774-842; на престоле: 806-809), пятым сыном принца Або, прославился красотой и поэтическим талантом. Его образ благородного в любви кавалера был запечатлен в произведении стихотворно-прозаического жанра «Исэ моногатари» («Повесть об Исэ», нач. Х в.). Считается, что основу этого сочинения составили дневники поэта, сохраненные и преобразованные в повесть его сыном Аривара Сигэхару. Эталоном проявления дружеских чувств стала его забота о несчастном принце Корэтака.

С 841 г. Аривара Нарихира занимал различные должности при дворе, служил в гвардии Правого крыла (уконъэфу:), в 865 г. стал главным конюшим (ума но ками), в 877 г. — заместителем второго военачальника (укон но гон но тю:дзё:). Позднее он был заместителем губернатора (гон но ками) в провинциях Сагами и Мино. В конце жизни получил должность главного архивариуса (куро:до но то:) Императорского архива (куро:додокоро).

Стихи Нарихира исполнены рефлексии, которая порой приобретает философское звучание. Его лирика заложила основы суггестивной поэзии в Японии, которые были восприняты и развиты другими поэтами. Своеобразие Нарихира заключалось в том, что насыщенность танка («короткая песня») обертонами и нюансами, скрытым внутренним содержанием связывалась с идеей «печального очарования вещей» (мононо аварэ), что выливалось в меланхолические размышления о бренности, изменчивости, эфемерности бытия, его иллюзорности.

Поэт оставил авторский сборник стихов «Нарихира сю» («Собрание Нарихира», 880 г.). В антологию «Кокинвакасю» («Собрание старых и новых японских песен», 905—920 гг.) включено 30 его стихотворений, всего в императорские собрания вошло 87 сочинений поэта.

Особое место в творчестве поэта заняла любовная лирика. В его знаменитом стихотворении об утраченной любви звучат ностальгические мотивы и находит воплощение буддийская идея бренности всего сущего ($my\partial s\ddot{e}$):

Цуки я арану Хару я мукаси но Хару нарану Ва га ми хитоцу ва Мото но ми ни ситэ Луна не та уж?
А весна? — не прежняя
Весна встречает?
Лишь я один как будто
Не изменился с той поры ...

Стихотворение наполняют воспоминания и сожаление о прошлом. Оно открывает V книгу «Песен любви» в антологии «Кокинвакасю» и входит в 4 эпизод (дан) повести «Исэ моногатари», которая описывает жизнь хэйанского кавалера.

Обращаясь к природе — луне, весне, кавалер вспоминает утраченную любовь и понимает, что она невозвратима. Смена времен года закономерна, однако не может повториться прежняя весна, и свет луны уже иной. В мире все непостоянно. Его охватывает сомнение в собствен-

ной неизменности, и тогда фраза обрывается на полуслове.

За словами поэта, находящегося в состоянии душевного смятения, скрывается противоположное этим словам содержание, т.е. поэт употребляет их в ироническом смысле, что вызывает комический эффект, поскольку герой хочет найти постоянство там, где его нет.

Нарихира использует и различные виды параллелизма. В двух первых фразах синтаксический параллелизм в единстве с вопросительной интонацией придает ироничность высказыванию. Этому способствует также звукоповтор — эпифора (*арану — нарану*), лексическая анафора (*хару*), синтаксическая анафора (*цуки* 9 xару y.

Другой вид параллелизма обнаруживается при сопоставлении трехстишия и двустишия танка. Это прием цуйку, пришедший из китайской поэзии. Здесь он заключается в противопоставлении одной части стихотворения другой — изменчивости природы противополагается кажущееся постоянство человека.

В целом стихотворение имеет романтическую тональность и воспринимается как видение, в котором смешаны временные и пространственные пласты. Построенное на невысказанных подразумеваемых значениях, оно как нельзя лучше выражает суть суггестивной лирики. Стихотворение не отягощено сложными приемами риторики (в нем отсутствуют специфические приемы японского классического стиха), непритязательно по лексическому составу, за счет эвфонического рисунка звучит легко и естественно, как поток внутренней речи. Эта речь взволнованна. Чувство столь цельно и всеобъемлюще, что не находится средств для его адекватной передачи. В результате возникает тавтология — расточительная в 31-сложной танка. Однако благодаря несвязности, невнятности этой речи читателю легче донести смятение, душевный порыв, боль переживаний.

Следующее стихотворение представляет собой акростих, поскольку начальные слоги пятистишия выстраиваются в слово «какицубата» — «ирис»:

> Каракоромо Кицици нарэниси Цума си арэба Харубару кинуру. Таби о си дзо омоу

В китайские шелка Облачена любимая В далекой от меня столице. С тоской о ней я вспоминаю В долгом странствии своем!

Слово «каракоромо» является постоянным эпитетом (макура-котоба) к слову «ки» — «носить» (одежду) и ведет за собой цепочку ассоциативно связанных слов (энго), в которой каждое слово является омонимической метафорой (какэкотоба): «нарэ» — «изнашивать» и «привыкать», «цума» — «полы» (одежд), «одежды» и «возлюбленная», «xapy» — «натягивать» (ткань) и «xapyбару» — «далеко», « κu » — «носить» (одежду) и «идти», «таби» — «странствие» и «носки». В стихотворении возникает второй смысл:

> Я износил Китайские одежды, Их полы обтрепал В дороге дальней, Стер в странствии носки!

Это стихотворение Аривара Нарихира вошло и в «Исэ моногатари», где рассказывается о странствии кавалера вдали от столицы.

Поэзия Аривара Нарихира включает ностальгический мотив, который непосредственно связан с личными переживаниями, перипетиями любовного чувства:

Рукава одежд, благоухающие ароматом цветов, стали в японской поэзии устойчивым мотивом воспоминаний о прошлом — весне, лете или далеком друге. Этот мотив ассоциативно возвращает к старинному стихотворению, где запечатлен образ рукавов, струящих аромат:

Фото Graf Mui

Умэ но хана Ка о номи содэ ни Тодомэокитэ Ва га омоу хито ва Отодзурэ мо сэну Сливы цветы Лишь тонкий аромат На рукаве оставили, А та, о ком мечтаю, Даже весточки не пришлет

Воспоминания о прошлом звучат здесь как тоска о возлюбленной, которая уже не вернется. Любовная встреча предваряется периодом тайной влюбленности, воспетой в придворной поэзии, когда влюбленные опасаются молвы и страшатся людских глаз. Глагол «синобу» означает «терпеть», а также «таиться», он используется в качестве приема какэкотоба.

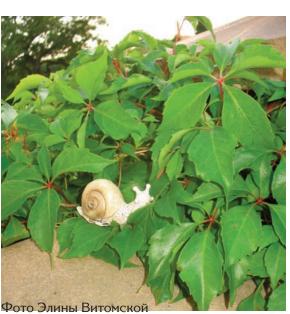
Сацуки мацу Ханататибана но Ка о кагэба в Мукаси но хито но Содэ но ка дзо суру Ожидающих пятой луны
Цветов померанцев
Аромат вдыхаю —
И вспоминаю тонкий аромат
Рукавов давнего друга!
(неизвестный поэт)

Стихотворение вошло и в «Исэ моногатари», где рассказывается о приключениях хэйанского кавалера.

Омоу ни ва Синобуру кото дзо Макэникэру Ау ни си каэба Са мо араба арэ Таиться в чувствах —
Труд напрасный. Потерпел
Я пораженье.
Если им плачу за встречу,
Пусть случится же она!
(Аривара Нарихира)

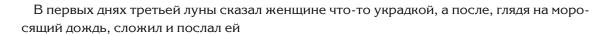
В стихотворении Нарихира присутствует реминисценция из сочинения предшествующего автора:

Омоу ни ва Синобуру кото дзо Макэникэру Иро ни ва идэдзи то Омоиси моно о Таиться в чувствах —
Труд напрасный. Потерпел
Я пораженье.
Считал, что не выказываю страсти,
Но пыл чувств выдал меня!
(неизвестный поэт)

Слово «*upo*» приобрело характер устойчивой метафоры в приеме какэкотоба, поскольку оно несет несколько значений: «цвет» (здесь: цвет лица), «оттенок», а также «чувственность», «страсть». Чувства влюбленного отразились на его лице, как он ни пытался их скрыть. Цвет его лица, вероятно, изменился. Эмоциональная концовка «*моно о*» характерна для поэзии, выражающей накал чувств, так же, как и повелительная форма глагола, к которой прибег Нарихира в своем стихотворении.

В каждой книге антологии «Кокинвакасю» произведения объединены в тематические циклы, в них можно выделить сюжетные линии, которые составляют основу отдельных новелл, состоящих из нескольких стихотворений. Откроем III книгу «Песен любви» («Кои но ута»), первая часть которой включает стихи поэта.

Оки мо сэдзу
Нэ мо сэдэ еру о
Акаситэ ва
Хару но моно тотэ
Нагамэ курасицу

Не вставал, да и не спал.
Так ночь сменилась утром.
Весна уж, говорят,
А я проводил время,
В задумчивости созерцая долгий дождь...
(Аривара Нарихира)

Написал и послал для женщины из дома Нарихира

Цурэдзурэ но
Нагамэ ни масару
Намидагава
Содэ номи нурэтэ
Ау ёси мо наси

В праздности пустой
На долгий дождь смотрю.
Полнеет Слез Река, —
Лишь омочил рукав в ней,
А случая увидеться все нет...
(Фудзивара Тосиюки)

Сочинил ответ вместо той женщины

Асами косо Содэ ва хицурамэ Намидагава Ми саэ нагару то Кикаба таномаму Должно быть, мелка, Раз только рукав увлажняешь, Та Слез Река. Когда же услышу: и тело Теченьем уносит, — доверюсь... (Аривара Нарихира)

Ёрубэ нами Ми о косо тооку Хэдатэцурэ Кокоро ва кими га Кагэ то нариники Покинутый, Я от тебя далек В разлуке. Душа же образ твой запечатлела, Словно тень к тебе стремясь... (Неизвестный поэт)

Итадзура ни Юкитэ ва кинуру Моно юэ ни Мимаку хосиса ни Идзанаварэцуцу Напрасно Ухожу... возвращаюсь Все же... Тебя увидеть, верно, Желание влечет... (Неизвестный поэт)

Эта песня, как один человек передавал, принадлежит Какиномото Хитомаро

Авану ё но
Фуру сираюки то
Цуморинаба
Варэ саэ то мо ни
Кэнубэки моно о

Не встретились в ту ночь,
Когда шел белый снег обильно,
А ночи множатся как снег.
Теперь и я с ним вместе
Должен был растаять — умереть!
(Неизвестный поэт)

Аки но но ни
Саса вакэси аса но
Содэ ёри мо
Авадэ коси ё дзо
Хитимасарикэру

Мирумэ наки Ва га ми о ура то Сиранэба я Карэнадэ ама но Аси таюку куру В осеннем поле
Поутру бамбук раздвинул
Рукав мой,
А что без встречи ночь прошла,
Он больше увлажнился!
(Аривара Нарихира)

Водорослей нет, как нет свиданий. Не знаешь разве ты, Что я— залив печали? Но неотступно, ног не жалея, Бродит тут без устали рыбак... (Оно-но Комати)

Рассмотрим связь последовательно расположенных строф антологии, написанных разными авторами.

Стихотворение Нарихира (№ 616) воспринимается как обычное любовное послание, отправленное на рассвете после расставания влюбленных.

Однако следующая танка Фудзивара Тосиюки убеждает в том, что встречи не произошло. Вероятно, у влюбленных было назначено свидание, а не состоялось оно потому, что с наступлением весенних дождей начинался период поста и свидания запрещались. Могли возникнуть и другие обстоятельства. Танка Нарихира передает раздражение мужчины, его подавленное настроение. «Сказал женщине что-то украдкой»,— вероятно, назначил свидание.

В стихотворении Нарихира грань между сном и действительностью стерта, все как бы погружено в дрему. Омонимы «нагамэ» — «долгий дождь» и «задумчиво смотреть» (какэкотоба) — усиливают впечатление призрачности. Ночь сменяется днем, зима весной, однако субъективно время словно остановилось, пребывает в неподвижности.

Поэт иронизирует над своей отстраненностью от действительности, употребляя излюбленный прием риторики — синтаксический параллелизм с двукратным отрицанием (оки мо сэдзу — нэ мо сэдэ).

В стихотворении можно обнаружить и автореминисценцию:

Мидзу мо арадзу Ми мо сэну хито но Коисику ва Аянаку кёо я Нагамэ курасаму Не то чтобы не увидел, Да и не разглядел Свою возлюбленную,— Верно, попусту сегодняшний день проведу, В задумчивости созерцая долгий дождь...

Стихотворение было послано даме, которую поэт заметил за занавеской кареты, но не мог рассмотреть. В двух первых строках пятистишия — тот же прием синтаксического параллелизма с двукратным отрицанием (мидзу мо арадзу — ми мо сэну).

Мотив созерцания долгого дождя сближает два стихотворения Нарихира, проникнутые чувством меланхолии.

Танка Фудзивара Тосиюки (N° 617) продолжает тему стихотворения Нарихира (N° 616) — тему любовной тоски, вызванной невозможностью свидания. Очевидны лексические переклички между строфами: выражение «*цурэдзурэ но нагамэ*» — «в праздности пустой на долгий дождь смотрю» передает атмосферу предыдущего пятистишия.

Танка Тосиюки использует новый мотив, вводя метафору «Намидагава» — «Слез Река», которая является традиционным символом пролитых слез и сочетается с метафорой «увлажненный рукав», имеющей тот же смысл — «слезы пролиты в разлуке с любимой». При этом выстраивается ряд ассоциативно связанных слов (энго), который формирует метафорическое содержание стихотворения — «нагамэ» (долгий дождь), «Намидагава» (Слез Река), «нурэтэ» (омочил).

Следующее стихотворение Нарихира (№ 618), написанное от лица женщины, является непосредственным ответом на предыдущую танка. Составители антологии представляют здесь распространенный в эпоху Хэйан обычай любовной переписки в стихах. Женщина

с иронией относится к излияниям поклонника, к его просьбе о встрече, не верит в искренность и глубину его чувств. Требовать от мужчины истинных проявлений любви свойственно любовной лирике того времени, поскольку культ чувств предписывал мужчине непостоянство, поиски новых наслаждений. Достаточно вспомнить повесть «Такэтори моногатари» («Повесть о старике Такэтори», нач. Х в.), в которой героиня, чтобы испытать чувства своих поклонников, хэйанских аристократов, предлагала им совершить подвиги, исполнить сложные задания. В стихотворении страдания кавалера преднамеренно умаляются, от него постоянно хотят видеть доказательства любви. Литота, гипербола, иносказание придают стихотворению откровенно насмешливую интонацию.

В японской литературе становится популярным сочинение произведений мужчинами от имени женщин. Ки-но Цураюки, например, желая скрыть свое авторство, утверждал в своем путевом дневнике, что его попыталась создать женщина. В ту пору использование в литературе японской письменности, какой написан дневник Цураюки, было прерогативой женщин, тогда как мужчины, обладая познаниями в области китайских наук, применяли китайский язык для своих сочинений, в том числе и для написания дневников.

В следующем стихотворении Нарихира выражает страдания покинутой женщины, которая сомневается в чувствах кавалера:

Из предисловия к стихотворению выясняется, что Фудзивара Тосиюки был увлечен женщиной из дома Нарихира и прислал ей записку, говоря, что не может прийти на свидание, потому что идет дождь. Услышав об этом, Нарихира написал ответ.

Кадзу кадзу ни Омой омовадзу Тоигатами Ми о сиру амэ ва Фури дзо масарэру Раз за разом — Любишь или не любишь,— Спрашивать трудно, Поэтому дождь, что знает о моей судьбе, Льет все сильней!

Фраза «дождь, что знает о моей судьбе» (ми о сиру амэ), заставляет обратиться к синтоистским представлениям средневековой Японии, в соответствии с которыми поэт воспринимает природу как «активный одухотворенный субъект» и еще не приходит к идее персонификации природы как художественному приему.

А.Н. Мещеряков пишет о своих наблюдениях над японской придворной поэзией эпохи Хэйан: «Мужчина вполне мог писать любовные послания от имени женщины, в которых возлюбленный установленным этикетным способом упрекается в холодности чувств. Создание подобных стихов требует не личного опыта,

а знакомства с каноническими образцами. Мы подозреваем, что аристократы умели радоваться жизни, но эстетическо-этикетный диктат хэйанского сообщества не позволял ни одному из них выразить свои эмоции менее элегическим образом».

Пятистишие неизвестного автора (№ 619) взято из авторской антологии поэта «Нарихира сю». Отвергнутый поклонник скорбит о своей участи, но и в разлуке с любимой помнит ее образ. Автор использует популярный мотив поэзии танка: расстояния не служат преградой в любви, душа, которая предстает отделен-

ной от тела, полна воспоминаний о любимой и следует за ней, подобно тени. Слово «кагэ» обладает двумя смыслами, оно означает «тень», а также «образ». Этот мотив присутствует в ряде сочинений «Кокинвакасю».

Кульминационный момент лирического повествования фиксирует другая танка неизвестного автора (\mathbb{N}° 620). Взволнованное чувство выливается в прерывистую речь — «слов не хватает». Простота лексики, умелое использование служебных слов продуцируют атмосферу недосказанности в стихотворении, рассчитанную на ответный эмоциональный всплеск. Открытая синтаксическая конструкция с деепричастным оборотом ($\mathfrak{U}\mathfrak{U}\mathfrak{U}\mathfrak{Y}$) в конце танка свидетельствует о незаконченности фразы, которую читатель может продолжить в силу своего воображения. Данная формула приобретает устойчивость в поэтической речи хэйанского времени, она встречается и в других стихотворениях антологии «Кокинвакасю».

В поэзии танка привычная лексика с ее признаками повторяемости обретает дополнительный смысл в кругу новых ассоциативных связей. Эти связи расширяются, если танка предстает не отдельно, а в последовательности поэтического рассказа с присущими ему закономерностями развития сюжета и особенностями композиции.

Кавалер надеется на встречу, настойчиво ищет ее. Он не хочет покинуть возлюбленную, уверяет ее в искренности своих чувств.

Стихотворение Какиномото Хитомаро (N° 621) органично входит в канву повествования и по содержанию продолжает предыдущее. Мольба влюбленного осталась неуслышанной, и он предается отчаянию, погружается в размышления о тщете своих усилий.

Однако стиль танка Хитомаро выделяет ее из ряда приведенных пятистиший и возвращает читателя из хэйанского времени в эпоху Нара. В стихотворении непосредственно, сильно, искренне выражена вся полнота страданий влюбленного. Танка отличает энергичность и прямота высказывания, свойственная эстетике макото.

Вместе с тем в стихотворении есть и художественные средства, характерные для более позднего времени. Это прием семантического сходства лексики — энго, включающий группу слов: «белый снег» (сираюки), «множиться» (цуморинаба), «таять» (кэнубэки), причем два последних слова относятся к первому. Глагол «таять», употребляясь по отношению к человеку, приобретает смысл «умереть».

Откровенная горечь стихотворения Хитомаро сменяется изысканным самоанализом в духе «печального очарования вещей».

В танка Нарихира (№ 622) вновь предстает хэйанский кавалер, ищущий утонченных наслаждений. Разлука с возлюбленной придает прелесть любовному чувству, своеобразное очарование.

Кэнко-хоси писал: «Мужчина, который не знает толк в любви, будь он хоть семи пядей во лбу, — непол-

ноценен и вызывает такое же чувство, как яшмовый кубок без дна. Это так интересно - бродить, не находя себе места, вымокнув от росы или инея, когда сердце твое, боясь родительских укоров и мирской хулы, не знает и минуты покоя; когда мысли мечутся то туда, то сюда; и за всем этим спать в одиночестве и ни единой ночи не иметь спокойного сна!» (Перевод В.Н. Горегляда.)

В стихотворении Нари-

хира раскрываются перипетии любовных отношений, однако не без насмешливой интонации. «Увлажненный рукав» — привычная метафора слез разлуки вводится в составе гиперболы-сравнения, что в данном случае сообщает стихотворению юмористический оттенок.

Пыл незадачливого влюбленного остужает надменная отповедь женщины.

В стихотворении Комати (N° 623) звучит холодный и решительный отказ, оно перекликается с танка Нарихира, написанной от имени женщины (N° 618). Стихотворение аллегорично и содержит ряд специфических приемов японского классического стиха, виртуозно использованных поэтессой для выражения иронического отношения к поклоннику. Какэкотоба «*мирумэ*» имеет значения — «встреча» и «морская трава», «*ура*» — «печальный», «залив» и «изнанка». Глагольная форма «*карэ*» входит в выражение «*ёгарэ*» — «постоянно приходить к дому возлюбленной ночью».

С аллегорическим смыслом танка связано другое значение глагола «*карэнадэ*» — «не отходить» (от залива), а также «не срезать» (водорослей). Поэтесса называет себя печальным заливом, а влюбленного в нее кавалера — рыбаком.

Вероятно, в связи с этой танка родилась легенда о трагической гибели влюбленного в поэтессу придворного Фукакуса-сёсё. Легенда получила название «Постоянство ста ночей Фукакуса-сёсё». Придворный, чтобы доказать свою верность, каждую ночь приходил к дому возлюбленной и оставлял зарубки на столбе у входа, но в сотую ненастную ночь, делая зарубку, он замерз. Потрясенная случившимся, поэтесса оставила дом, и больше ее никто не видел.

В «Исэ моногатари» стихотворение Комати и предыдущая танка объединены в одном эпизоде (№ 25) как переписка кавалера с дамой. Такова версия автора повести, однако она не поддерживается японскими исследователями.

Примечательно течение времени в приведенной новелле «Кокинвакасю». Открывается она весной, началом третьего месяца по лунному календарю. Это пора зарождения любви. Однако неудачи повергают кавалера в уныние, и он думает, что ему следовало бы растаять вместе с выпавшим снегом. Год прошел. Следующее стихотворение приводит кавалера на осеннее поле — вот и еще один год заканчивается. Поэтому в последней танка так убедителен образ рыбака, который неустанно добивался расположения своей дамы.

Любовная тема в творчестве Аривара Нарихира сменяется темой старости, в которой обнаруживаются мотивы безнадежности, разочарования, грусти.

Ооката ва Цуки о мо мэдэдзи Корэ дзо коно Цуморэба хито но Ои то нару моно В сущности,
Не радует и созерцание
Полной луны.
Каждый раз, как она нарастает,
Мы с ней стареем...

Народное поверье говорит о том, что созерцание полной осенней луны приносит людям несчастье.

Об этом рассказывается в повести-сказке «Такэтори моногатари», в которой советуют не смотреть на диск луны: «С самого начала третьей весны люди начали замечать, что каждый раз, когда полная луна взойдет на небе, Кагуя-химэ становится такой задумчивой и грустной, какой ее еще никогда не видели. Слуги пробовали ее остеречь: "Не следует долго глядеть на лунный лик. Не к добру это!"». В то же время луна является символом вечного, непреходящего.

Китайский поэт Бо Цзюйи (772-846) связал образ луны с мотивом старости, что отозвалось и в стихотворении Нарихира:

Очевидно, что японская поэзия танка на раннем этапе своего развития обращалась к китайским источникам, которые нашли широкое распространение в Японии того времени.

Созерцая вид полной луны, Не думай, что старость Тебя минует. — Твой облик дряхлеет И годы не убывают

Ослабев от болезни, сложил эту песню

Цуи ни юку
Мити то ва канэтэ
Кикисикадо
Киноо кёо то ва
Омовадзариси о

В конце пойдем, Давно известно мне, Этой дорогой, — Но ни вчера ни сегодня Не помышлял я о том!

Стихотворение завершает повесть «Исэ моногатари» (№ 125), в нем кавалер выражает предчувствие своей кончины, однако не приемлет столь быстрый уход. Сбивчивая речь передает ощущения человека, которому больно расстаться с этим миром.

В творчестве поэта представлена выразительная пейзажная лирика, в которой звучит восхищение родным краем:

Тихаябуру Камиё мо кикадзу Тацутагава Каракурэнай ни Мидзу кугуру то ва Такого не слыхали
И во времена богов всесильных —
Вершителей земли,
Чтоб воды реки Тацута
Окрасились листвой багряной...

Слово «muxas fypy» — «могучий», «грозный», «всесильный» закрепилось как устойчивое определение (макуракотоба) для слов «kamu» — «божество», « $y\partial$ зи» — «род».

«Однако нередко истоки ассоциативных связей в макура-котоба скрыты позднейшими переосмыслениями первоначального значения, что приводит к омертвлению эпитета. Например, макура-котоба тихая фуру ками обычно трактуется в комментариях как "боги, сокрушающие землю" (где mu "земля" + xasфуру "сотрясать" + xasи "боги").

Однако знакомство со старинными японскими народными мистериями позволяет иначе трактовать содержание этой макура-котоба, а также убеждает в том, что вышеприведенная трактовка является позднейшим переосмыслением. Первоначально постоянная связь образов в данной макура-котоба возникла из совершенно конкретного реального представления: участники мистерий, изображающие богов, облекали себя в особое одеяние, которое именовалось тихая; а типичные движения, производимые ими в танце и имеющие магическое значение, заключались во взмахивании рукавами одежды ("взмахивать, размахивать" по-японски фуру).

Таким образом, первоначальный смысл этой макура-котоба предстает в совсем ином свете, а именно: "боги, размахивающие тихая".»

Осенний багрянец придает водам реки причудливые краски. Стихотворение изображает величие природы, мощь ее красоты. Оно было высоко оценено Φ удзивара Тэйка, который поместил пятистишие в антологию «Хякунинъиссю» («По одному стихотворению от ста поэтов», $1235 \, \mathrm{r.}$)

Творчество Аривара Нарихира, яркое и многогранное, внесло неоценимый вклад в развитие японского классического стиха и на столетия вперед определило развитие японской лирической поэзии.

Текст печатается с сокращениями. Полная версия статьи: http://cyberleninka.ru/article/n/lirika-yaponskogo-poeta-arivara-narihira

Татьяна Иосифовна Бреславец кандидат филологических наук, ДВГУ

Наталья Румак

Японская ономатопея и проблемы перевода поэзии хайку (на примере хайку Кобаяси Исса)

Одним из самых сложных видов перевода по праву считается перевод поэзии, поскольку в этом жанре основной задачей становится передача не только и не столько смысла, сколько образов, заключенных в поэтическом произведении. Крайне сложно выразить в переводе столь характерную для поэзии имплицитную информацию, как, например, намеки и аллюзии, которые могут быть легко поняты носителями одного языка и одной культуры, но будут совершенно незнакомы представителям культуры другой страны.

Традиционная японская поэзия хайку многими исследователями описывается как в значительной степени формализованная, т.е. подчиняющаяся довольно строгим канонам: определенное число слогов, указание на время года (т. н. «сезонное слово»), предписываемые приемы и т.п. При этом резкое ограничение размеров произведения и, следовательно, вынужденная лаконичность привели к развитию поэзии намека, когда краткое описание явлений природы (в первую очередь) лишь указывает на эмоции и чувства автора, но не называет их.

Для подобного указания и описания, для усиления эмоциональности в поэзии хайку часто используются ономатопоэтические слова. Эта лексика, характерная для японского языка, представляет большую сложность для иностранцев.

Если попытаться свести воедино все определения ономатопеи, то можно выделить следующие основные признаки: изобразительность, лаконичность, непосредственная передача чувств, ощущений и эмоций; понятность носителям языка (даже при употреблении новобразований или окказионализмов, не фиксируемых в словарях).

Все эти качества, на наш взгляд, как нельзя лучше подходят для «употребления» именно в поэзии хайку с ее ограничениями по размеру. Ведь именно лаконичность и непосредственная передача образа являются, по сути, ключевыми терминами в теории хайку.

Проблема перевода японской ономатопоэтической лексики уже рассматривалась нами в связи с общей проблемой поиска межъязыковых эквивалентов, актуальной для теории перевода. В данной статье мы хотели бы сделать акцент на переводе формализованных текстов (на примере поэзии хайкай) и проанализировать предлагаемые известными переводчиками способы передачи встречающейся в стихах ономатопеи на русский язык.

Рассмотрим несколько переводов японских трехстиший хайку Кобаяси Исса, который является одним из самых известных представителей этого жанра, обращая при этом внимание на значение использованной в оригинале ономатопеи и на те приемы, которые используются при переводе (в статье использованы переводы Т. Соколовой-Делюсиной, В. Марковой и А. Долина).

Yuki tokete kurikuri shitaru tsuki yo kana

Растаял снег. Смотрится в лужи, тараща глаза, Шалунья - луна.

Наречие *kurikuri* (*shitaru*) с основным семантическим компонентом «круглый» имеет также следующие оттенки значения: «широко раскрытый» (о глазах), «подвижный (= хорошо крутящийся)» (о глазах); «круглый и гладкий» (о голове). Таким образом, мы получаем следующие возможные (имплицитно содержащиеся в строфе хайку) значения: луна круглая и блестящая; смотрит (широко открытыми) круглыми глазами (в лужи от растаявшего снега); таращит глаза (в шутку?).

В русском языке нет возможности выразить эти значения имплицитно, одним словом или выражением, поэтому переводчику приходится прибегать к другим, эксплицитным способам и, несмотря на заданность формы в переводе, удается очень эффективно, на наш взгляд, использовать описание.

Слова «лужи» в оригинале нет, но именно блеск отражения луны в первую очередь приходит в голову чи-

тающему хайку. Кроме того, намек на круглые глаза (не от удивления, а в шутку) тоже передан в русском переводе путем дополнительно вводимой информации (луна «таращит глаза»; и луна-«шалунья»). Возможно, это избыточная информация, но она передает атмосферу радости и свежести, содержающуюся в оригинале.

Kirikiri shan-to shite saku kikyo: kana

Покачиваясь, Стоят среди трав густых Колокольчики.

Здесь использовано ономатопоэтическое сочетание kirikirishan (to suru), составленное, в свою очередь из двух ономатопоэтических слов: kirikiri — скрипеть, будучи крепко зажатым между чем-то; быть крепко зажатым, почти до скрипа; и shan (to suru) — освежиться, придти в себя; возможно, подразумевается также форма shanshan — звон множества колокольчиков (звукоподражание); быть крепким, здоровым физически и душевно (описание состояния).

Таким образом, мы получаем следующую область значений, имплицитно содержащихся в сочетании с ономатопоэтическим словом: колокольчики цветут; «бодро» стоят, «крепко зажатые» (другими растениями); «позванивают» (видимо, качаясь на ветру).

Мы видим, что в русском языке значения ономатопоэтического слова снова оказываются выражены эксплицитно («стоят среди трав *густых*» - выделено нами, что дает ощущение «сжатости» другими растениями; покачиваясь, что ассоциируется с движением ветра). Интересно отметить, что ассоциация со звоном уже содержится в русском названии цветка, поэтому прямых указаний на звукоподражание нет.

Uzumebi ya sayu mo chinchin yoru-no ame

Тлеют угли. Вода - тин-тин - в котелке. Ночной дождь.

В этом примере звукоподражание chinchin — бульканье кипящей воды передано как заимствование. На наш взгляд, использование соответствующего звукоподражания «буль-буль», нарушило бы общий стиль, поскольку в русском языке оно встречается преимущественно в детской речи. Вероятно, здесь можно было бы говорить о замене звукоподражания глаголом «булькать» или существительным «бульканье», однако тогда существовала бы опасность нарушения ритма. Кроме того, заимствование также помогает создать некий «национальный колорит», что усиливает впечатление от прочтения.

Asabare-ni pachipachi sumi-no kigen kana

Ясное утро уголь радуется в очаге, крак-крак-крак - мурлычет.

Наречие *pachipachi* передает звук (и впечатление от) потрескивания ломающихся тонких предметов, треска горящего угля, описывает разлетающиеся искры.

Японское ономатопоэтическое слово передано двумя способами: во-первых, прямым звукоподражанием, передающим потрескивание, а во-вторых, звукоподражательным глаголом «мурлыкать». Употребление этого глагола добавляет «мягкости» к изображению треска (крак-крак-крак), так как ассоциируется с состоянием довольства и спокойствия животного, что, в свою очередь, дает ощущение умиротворенности, выраженное в оригинале употреблением наречия pachipachi (в отличие, например, от bachibachi, передающего более сильный и громкий треск) и словом «кигэн», обозначающим хорошее настроение (что, впрочем, в переводе также выражено при помощи глагола «радоваться»).

Yuaqari-no shiri-ni bettari sho:bu kana

После ванны К голому заду прилип Листик аира.

В оригинале наречие bettari («крепко (прилипать)») использовано без соответствующего глагола (kuttsuku - прилипать, haritsuku — прилепляться и т.п.). Однако ограниченность сочетаемости этого наречия позволяет без труда восстановить глагол. Вернее даже будет сказать, что наречие bettari используется лишь в сочетании с определенными глаголами, поэтому при переводе адекватным будет употребление глагола с соответствующей семантикой.

Интересным будет заметить, что размер оригинального стихотворения допускает употребление только глагола без уточняющего наречия. Однако автор, очевидно, предпочел опустить именно глагол, так как ономатопоэтическое слово несет не только семантическую, но и прагматическую нагрузку - передает ощущения. По нашему мнению, это ощущение в русском переводе передается при помощи аллитерации: нужный эффект достигается за счет повторения звука «л».

Katatsumuri sorosoro nobore Fuji-no yama

Тихо, тихо ползи, Улитка, по склону Фудзи Вверх, до самых высот!

Одно из значений наречия sorosoro, использованного в оригинале, - «медленное, неспешное, тихое движение». Наречие обладает собственным значением и может употребляться с глаголами довольно широкой семантики, объединяемых только компонентом «движение». Поэтому в русском языке в качестве соответствующего эквивалента приводится также наречие с семантическим компонентом «отсутствие скорости», и глагол, обозначающий движение: «тихо ползи».

Эффект протяженности действия по времени возникает по ассоциации со словом «улитка» и усиливается сочетанием sorosoro nobore, а в русском языке передается повторением слова «тихо», что способствует сохранению ритмического рисунка.

Проанализировав всего несколько переводов хайку на русский язык, мы можем сделать некоторые предварительные выводы относительно приемов и способов перевода ономатопоэтических слов, употребляемых в этом жанре. Как было показано выше, нам

встретились следующие приемы: заимствование; подбор эквивалентного звукоподражания; формальное соответствие, при котором используются глагол с уточняющим наречием; глагол с узким конкретным значением вместо уточняющего наречия с глаголом довольно широкого значения; описание, при котором имплицитно подразумеваемое в японском языке выражено эксплицитно на языке перевода.

Таким образом, можно отметить несколько специфических приемов поиска эквивалентов для ономатопеи в поэзии. Во-первых, поэзия (особенно поэзия хайкай), очевидно, допускает прямое заимствование ономатопоэтических слов для а) передачи настроения; б) для сохранения лаконичности и ритмики произведения; в) для передачи национального колорита. До сих пор подобное явление нам удавалось наблюдать только в переводах японских сказок, где основным критерием, пожалуй, является сохранение колорита.

Во-вторых, допускается использование звукоподражаний для придания живости описанию и для сохранения ритмики произведения.

В-третьих, в поэзии переводчики менее склонны просто опускать ономатопоэтическое слово, ничем его не компенсируя, так как большая часть информации (как в семантике, так и в прагматике) выражена именно ономатопеей. Встреченные нами при этом способы компенсации — описание, аллитерация и другие стилистические средства.

Остальные приемы передачи функций японской ономатопеи (поскольку мы говорим именно о функциональной эквивалентности) на русский язык практически не отличаются от встреченных нами ранее при анализе переводов художественных произведений. Следовательно, как показывают проанализированные переводы, и при переводе заранее заданных форм (в том числе поэзии хайку) существует возможность создавать адекватный оригиналу перевод на русском языке.

Использованная литература:

- 1. Андреев A. Что такое хайку? http://www.haiku.ru/frog/def.htm
- 2. Атода Т., Хосино К. Гисэйго гитайго цукаиката дзитэн (Словарь употребления звукоподражательных и звукоизобразительных слов) 2-е издание. Т., Сотакуся, 1995.
 - 3. Долин А. А. Одинокий сверчок М., 1987.
- 4. Кобаяси Исса Ливень пятой луны (пер. А. А. Долина, В. Н. Марковой, Т. Л. Соколовой-Делюсиной, Н. И. Фельдман) М., Кристалл, 1999.
- 5. Кобаяси Исса Стихи и проза (Перевод с японского, предисловие и комментарии Т. Л. Соколовой-Делюсиной) СПб, "Гиперион", 1996.
- 6. Румак Н. Проблема поиска межъязыковых эквивалентов (на примере японской ономатопеи)

Тезисы научной конференции «Ломоносовские чтения 2003» М., 2003.

- 7. Румак Н. Г. Проблема адекватности при переводе японской ономатопеи Тезисы научной конференции «Ломоносовские чтения 2004» М., 2004.
- 8. Ямагути Н. Кураси-но котоба Гион-гитайго дзитэн (Словарь повседневной звуко-подражательной и звукоизобразительной лексики) Т., Коданся, 2003.

Источник: http://istina.msu.ru/publications/article/3291358/

Алексей Горшков Переводы "с историей"

ОТ РЕДАКЦИИ

Любопытный опыт - автор этих новых переводов придал пятистишиям напевность, вплетая рифмованные строки. Для полноты картины редакция приводит другие переводы этих текстов.

Император под дождем

Танка была написана императором Тэндзи (626 - 671)

Император Тэндзи оставил о себе память как о добром и благожелательном правителе. Эта танка родилась при следующих обстоятельствах: однажды император «помогал» крестьянам собирать рис — отпугивал птиц. Неожиданно пошел дождь, и император нашел приют в крестьянской хибаре с худой крышей и замочил свои одежды...

На поле рисовом в осенний день Крестьяне риса собирали урожай, И сильный дождь накрыл тот край, Под крышею укрылся, но не спасла она меня, И под дождём осенним вымок я.

Под циновками Прячутся крестьяне от Осенних дождей. Вот и мои рукава От росы промокают.

пер. В. Соколов

На осеннем поле Непрочный приют осенен Сквозной плетенкой. Оттого-то мои рукава Что ни ночь от росы намокают.

пер. В. Санович

О, ночь невзгоды!
Как платье отсырело!
В сырую осень
в лачуге бедной плохо
под крышею сквозною!

пер. Н.Н. Бахтин (Нович)

Любовные стенания

Танка написана поэтессой Митицуна-но Хаха (X век)

Эта поэтесса была дочерью Фудзивара-но Мотоясу и супругой регента Фудзивара-но Канэиэ. Жила при императоре Мураками (945 - 967) и славилась своей красотой. История возникновения этой танка такова: однажды ночью неожиданно вернулся её муж из дальней поездки (похоже, что он частенько куда-то уезжал). Жена долго не открывала ему дверь, что вызвало подозрения и упрёки мужа. Почему она сразу не отворила — неясно: то ли приводила себя в порядок, то ли выпроваживала любовника... Но на упрёки благоверного поэтесса ответила этой милой танка, обезоружив супруга. Как важно уметь вовремя перехватить инициативу и самому нанести удар!

Бессонны мои ночи
И полны стенаний,
И одиночество кругом царит,
Как не хватает мне твоих лобзаний,
Как сердце от одиночества болит!

Лежа в постели,
Глаз не сомкнула всю ночь,
До рассвета. Ты
Поймешь ли меня, что я Императрица ночи?

пер. В. Соколов

Вздыхая печально, Одна я лежала в ночи, Зарю ожидая. Да разве ты можешь знать, Как долго сегодня светало?!

пер. В. Санович

О, если б знал ты, как долго длится время, когда лежу я на ложе одиноком, и по тебе вздыхаю!

пер. Н.Н. Бахтин (Нович)

Ожог полыни

Танка написана Фудзивара-но Санэката (конец IX века)

Ещё один славный представитель рода Фудзивара. Поэт сравнивает любовь с ожогом от листьев полыни. Это требует пояснений. Дело в том, что в древней Японии листья полыни использовались как антисептик. Когда ими «прижигали» кожу, то на этом месте возникал болезненный, долго незаживающий волдырь. Упомянутая в танка гора Ибуки как раз и славилась своей полынь-травой. Разумеется, в танка присутствует традиционная игра слов.

Любовь, словно волдырь болезненный, Который от полыни горы Ибуки можно получить, Но та, которую я так хочу любить, Гораздо большие страданья мне причиняет, И этого она не замечает...

Как ей рассказать О том, что живет в душе? Легко ли понять? Любовь так же жжет меня, Как жаровня Ибуки.

пер. В. Соколов

Скажу ли, как сильно я... Но нет, дыханье займется! У горы Дыханья спроси: Там растёт чернобыльник горючий, Словно сердце моё он сгорает!

пер. В. Санович

Молчать мне нужно! О том, что в этом сердце любовь пылает, как мокса с гор Ибуки, никто узнать не должен!

пер. Н.Н. Бахтин (Нович)

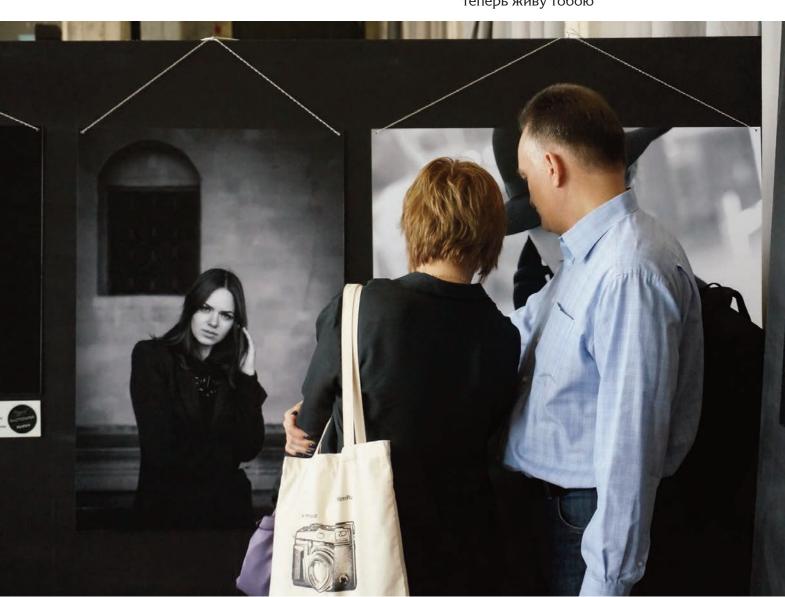

Максим Паладин

тонкие пальцы ветер в твоих волосах пахнет полынью как отпустить мне тебя и удержать не могу

ладонь в ладони
за миг до расставанья
подобно листьям
что встретились в полёте
подхвачены ветрами

твой взгляд встречая не вспоминаю больше былых печалей переболел тобою теперь живу тобою

Мирослава Славная

На пороге весны закрашу седые локоны белоснежным цветом... Вишня в саду моём зацветёт, как прежде

Валентина Назарова

туманный закат бьют волны о берег друг за другом мои дети когда-нибудь скажут слова прощания

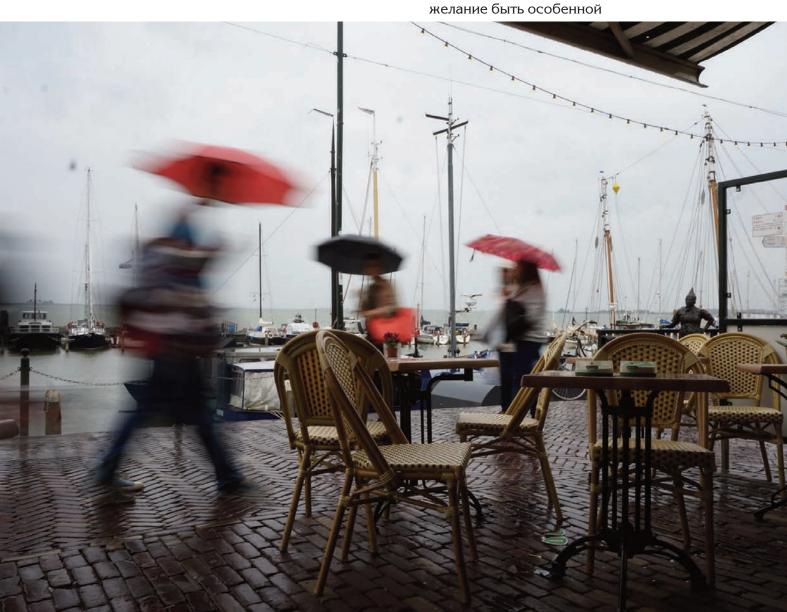

Анастасия Бабкина

весна белесые струи водопада на склоне пробуждают скрытые материнские чувства

и что в этом находят дети на морском побережье камни в воду бросаю и бросаю

на побережье
в утренней дымке
брызги апельсина
будто и в этом мое

Ольга Черных

,

Очередной юбилей...Тебе шестьдесят пять и ты вдруг понимаешь, что красный кабриолет и платье в тон к нему так и остались мечтой...

Ты решительно напяливаешь на себя туфли на каблуке, прилаживаешь к жиденькому пучку на затылке видавшую виды соломенную шляпку с жуткими розочками, хлопаешь рюмашку коньячка разлива неизвестной фабрики и выходишь к своему запорожцу, которому лет, видать, поболее, чем тебе.

Окна настежь. И вот только ты и дорога, и шорох шин, и это знакомое чувство свободы, которое ты

так и не поменяла ни на что...

крестик при дороге полностью выцвели искусственные розы

Сергей Луценко

Осеннее паломничество

В лесной глуши об руку со мной бродит Осень. Каждый дубок, каждая осинка улыбается мне всё светлей, всё приветливей день ото дня.

Поднимаю голову — и легкие прохладные листья, порхающие в синеве, ласково касаются моего лица... Кто теперь скажет, что у меня мало друзей? Я счастлив, и всё же давняя печаль сжимает сердце. Печаль по тому, что могло быть — и не будет никогда...

Брожу по чаще. Близко, недостижимо Сияет небо.

Сергей Луценко

Родился в 1980 году в г. Павловске Воронежской области. Окончил Воронежский государственный аграрный университет. Работал машинистом, оператором, слесарем, мастером, юристом, журналистом, преподавателем. Публиковался во всероссийских и областных журналах и газетах, многих коллективных изданиях. Автор поэтических сборников «Стихи» и «Дом на камне», книги рассказов и очерков «К неведомым берегам», краеведческой книги «Казанский храм. Летопись трех веков». Лауреат литературных премий. Член Союза писателей России.

Полина Печерская

откапываю свою ли машину? из-под снега

минус двадцать неаполитанской песенкой разогреваю машину

брак по расчету сосчитала все трещинки на потолке

лытно, что при проявились и
пытно, что при проявились неког
пытно, что при проявились неког
ном прочтении проявились каках
ном прочтений, додумалось немедругие смыслы, додумалось не медругие смыслы, додумалось не медругие смыслы, додумалось не медругие смыслы, додумалось немедругие смыслы, додумалось неме-

Светлана Крюкова

алло, как дела? вдруг прокричал китайский игрушечный телефон

Анастасия Бабкина

после спектакля снова хромает актриса

Евгений Иваницкий

Утро Рождества... У машины в кювете счастливый номер.

И попугай, и петух... Свобода слова в пять утра.

Сумма углов равна поцелую... Первый день весны.

Старые шахматы... В глазах новой подруги тронул — ходи!

Алексей Ким

пятница 13-е из-под страницы календаря торчат паучьи лапки

Виктор Ветлин

заливное под водочку рассказы бывалого рыбака

и мертвых разбудит долбит и долбит сосну на кладбище дятел

Яна Полтарак

засолка капусты — месяц в небе и тот кочерыжкой

старый новый год у ёлки макушка набекрень

Алексей Фан

новости экономики держу руку на пульсе уходящего года

Алексей Пральников

дорогие гости от покупной картошки морщит нос дед

Инесса Фа

Тихо еще не слышно машин, и соседей тоже не слышно.

Доброе утро! Даже соседи-собаки Радостно скалят зубы.

Инесса Фа (Фахрутдинова) Родилась и живу в Казани, преподаватель архитектуры в КГАСУ, в последние годы увлекаюсь хайку. Своим учителем считаю казанского хайдзина Наилю Ахунову.

Хана Нестьева "Зимнее одиночество" (соло ренку)

случайный соперник сдался в онлайн игре зимнее одиночество

> 2. в том же клетчатом свитере со дня похорон

3. и девятую жизнь проведет рыжий кот за барной стойкой

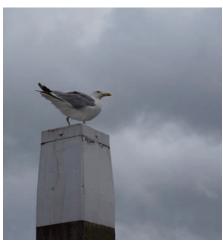

4. двухсоткой с портретом поэта плачу за бензин

5. в ночь полнолуния

Тема номера

10.

под шум дождя безбожно врет переводчик фильма для взрослых

> 8. жена программиста залетела с первого клика

9. на Торчелло под сводами баптистерия гнездятся ласточки

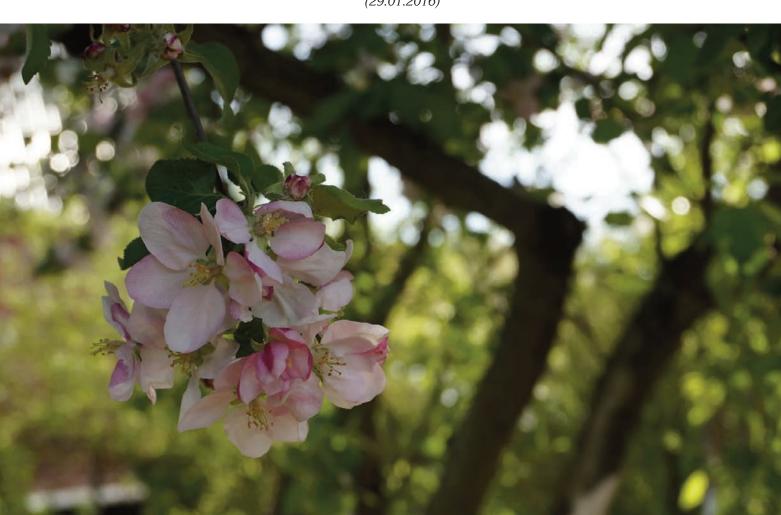
рыбу в лагуне 11. медитируя, слышу

как прорастает зерно в холодной земле

тень самолета удит

12. словно боясь не успеть, цветет яблоня

(29.01.2016)

Ольга Черных "Где-то, на окраине жизни..." (монорэнга)

1. божий одуванчик прикуплю-ка себе платье лимонного цвета

2. дребезжит-позвякивает посуда в серванте

3. сервиз "Мадонна" из всех только и остался школьный друг

Тема номера

из санаторных развлечений как завоевать мужчину

> кокетка поправляет сиреневый локон

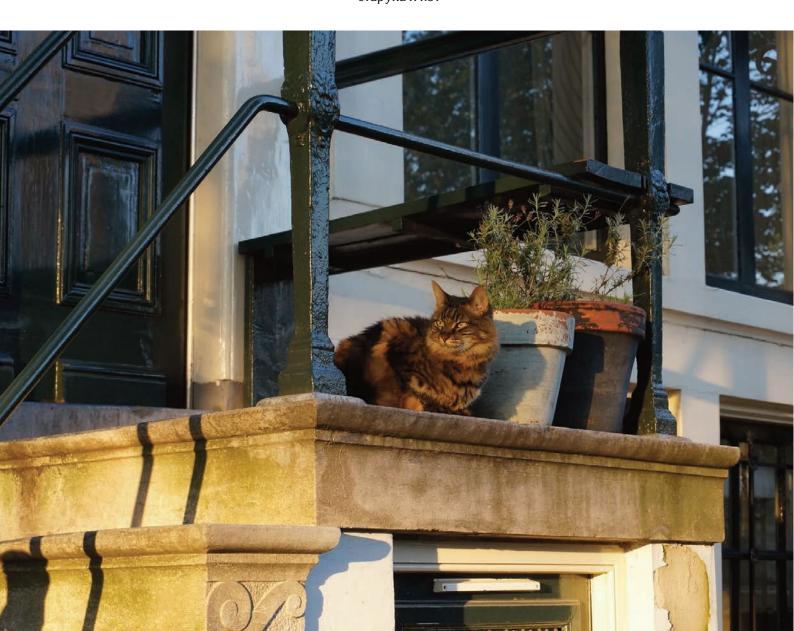
9. спрятан слуховой аппарат в карман пиджака

10. билет на "Жизель", мятные конфетки и валидол

11. сидят у окна не включая свет старуха и кот

Иса - Мацусита Конобуки "Памятная монетка" (ренку-трипаршва)

1.

с крыши капель даже воздух пропитан щебетаньем синиц (Мацусита Конобуки)

2. по краям опушённые инеем листки первоцветов (Иса)

3. огородно-посадочные дни — приживись ты здесь, лунария (Иса)

4. а по телевизору опять спортивный прогноз (Мацусита Конобуки)

5. холодным утром еще звенит в паутине последний комар (Мацусита Конобуки)

6. за долю секунды шапка молочной пены (Иса)

7. раскинув руки бежит босиком по траве девушка в светлом (Иса)

8. катаемся по кругу в пустом трамвае (Мацусита Конобуки)

9. опять и опять тону в бездонном озере твоих глаз (Мацусита Конобуки)

10. бабье лето, а повсюду только запах полыни (Иса)

11. отметка в загранпаспорте перемешиваются свои-чужие ветра (Иса)

12. из кафе доносятся звуки черного блюза (Мацусита Конобуки)

13. на тихой воде средь кленовых листьев отраженье луны (Мацусита Конобуки)

14. шеренгами, поодиночке и клиньями — перелетные птицы (Иса)

15. за всеми новостями почти опустели чайные чашки (Иса)

16. спугнув кота в парадной возвращаемся в уют (Мацусита Конобуки)

17. едва припорошены утренним снегом поленья для камина (Мацусита Конобуки)

> 18. мужики вырубают крест из речного льда (Иса)

> > 19. знаешь ты будешь звездой мне так решилось... (Иса)

> > > 20. заполночь темнеет away в аське (Мацусита Конобуки)

21. с первым лучом раскрывает цветки багульник (Мацусита Конобуки)

> 22. упала в талый снег памятная монетка (Иса)

> > (05.05.2014 - 22.11.2014)

Схема игры

часть ДЗЁ

1. Весна, приветствие

2. Весна

3. Весна, луна

4. Без сезона

5. Осень 6. Без сезона

часть ХА

7. Лето, любовь-встреча

8. Без сезона, любовь

9. Без сезона, любовь

10. Межсезонье, любовь, расставание

11. Без сезона

12. Без сезона

13. Осень, луна

14. Осень

15. Без сезона

16. Без сезона

часть КИЮ 17. Зима, макро

18. Зима

19. Без сезона

20. Без сезона

21. Весна, цветение

22. Весна, прощание

Дмитрий Кудря — Петр Савченко — Элина Витомская "Грибная ренку"

1. грибная морось сочится едва М-4* в Рождественскую ночь (Дмитрий Кудря)

2. конец всех ограничений! делать нечего... (Петр Савченко)

3. выдерни шнур, выдави стекло — пора перейти на "ты" (Элина Витомская)

4. к рассвету новый поворот (Дмитрий Кудря)

5.
"Дружные, хорошие яйця!
Усяким йих кормлю..."
Новолуние
(Петр Савченко)

6. расправляют опята шляпки, юбочки (Элина Витомская)

7.
горчинка во рту
долбит дискотеку
"кислотный град"
(Дмитрий Кудря)

8. без сорока семнадцать по среднебутовскому** времени (Петр Савченко)

9. ужо вам сумерки, а он не кончается — разговор о японском фарфоре*** (Элина Витомская)

Ренку начата в машине по дороге из Карачаево-Черкесии 10 января 2016 года, успели расписать половину, заканчивали по электронной почте. Рабочее название -"Грибная" — так и закрепилось за конечным результатом. Идею подал Петрович (Дмитрий Кудря), и, хотя мы вовсе ничего не курили и не ели галлюциногенов, просто захотелось написать сюрную цепочку, в которую потом вкрались ностальгические и иронические нотки, такой вот был драйв. Или это домбайский горный воздух дал такой эффект?..

Итак, ренку вольная, без предварительной схемы.

10. бутылочное горлышко**** приветствует капитан Блад (Дмитрий Кудря)

11.
входишь в штопор...
вывешиваю флажками
"ДО СКОРОГО"
(Петр Савченко)

12. время бить балуши, кидаться ежами... (Элина Витомская)

13. в зеркале их все больше туманных лошадей (Дмитрий Кудря)

> 14. хочешь поржать? съешь меня! (Петр Савченко)

15. по реке с туземным названием Ахерон эх, прокачу! (Элина Витомская)

16. долго ли, коротко ли облом off (Дмитрий Кудря)

17. с грифом с ним каждый может если захочет (Петр Савченко)

18. снова выходят на бис олдовые люди (Элина Витомская)

^{*} автомобильная дорога федерального значения Москва-Новороссийск, она же трасса «Дон»;

^{**} Бутово — район Москвы, где живет один из авторов;

^{***} здесь содержится отсыл к известной строфе («снегопад в оттепель / разговор о японском фарфоре») того автора, который живет в Бутово;

^{**** &}quot;Как я уже говорил, озеро это имеет форму гигантской бутылки с горлышком, направленным в сторону моря у города Маракайбо. ... — Да, не спорю, — согласился капитан Блад, — но мне приходилось идти и на более отчаянные дела." (Рафаэль Сабатини. Одиссея капитана Блада. Глава XVI).

Яна Полтарак

звонок будильника тянется-потянется понедельник

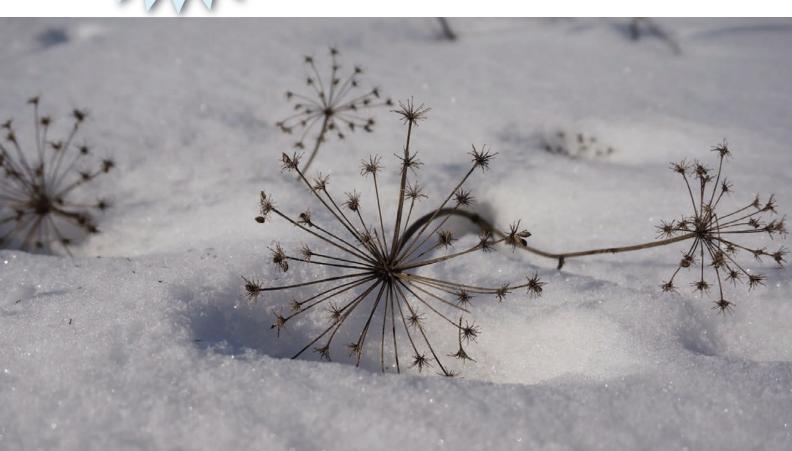
двойные рамы в безмолвии дождя перехлёсты лип

...а вот воли бы после вот если вы позиция ворон" автор дал бы и вот если вы по же тире или много и итателю по же тире или обычной неплогорай (хоть то вместо обычной неплогорай (хоть то вместо обычной дела бы свестрофы-наблюдения получился бы вы дорона метафора выглядела вы соположе строфы-наблюдения и промозглый день" в соположе хой фристайл, стромозглый день" в соположе и небанальная метаформе и небанальная метаформе и промозглый день" и стружит промозглый могла бы зацепить нии с более стати могла бы зацепить воронами могла бы заченного и внимание искушенного и внимание и внимание

пустая пристань по щербатым ступеням шорох капель

стая ворон кружит над колодцем двора промозглый день

край зимы глохнет в сугробах стылый большак

Ольга Черных

трапезная не умолкает сверчок под половицей

чай с мятой не осталось и следа от вчерашней грозы

> стихи о любви снова гуляет ветер в пустом кармане

купания при луне — такие соленые твои губы

моросит с утра куда-то сквозь меня смотрит собака

Михаил Ляблин

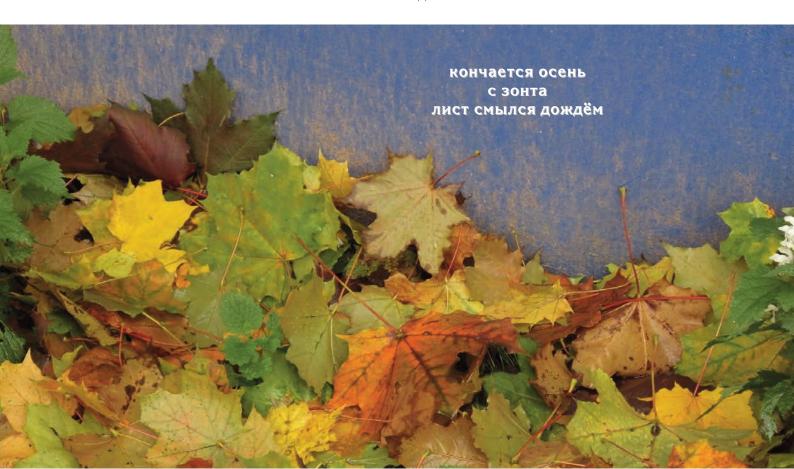
парк без признака грусти желтые листья летят

не знаю зачем грею пустую чашку начинается дождь

не помогают игрушки в палате затянуто небо дождём

крики ворон без скрипа раскачались сосны на холме

> выцвел под стеклом автограф поэта осенние дни

скрипучая дверь из темноты подъезда появился чёрный кот

домой возвратился кошка нагревшая тапки просит еду

сухой бессмертник в матовой вазе длинная зима

вот и весенний дождик наконец-то ребёнок заснул

догрызают осы корку арбуза тёплые дни

где-то впереди сливаются реки разгорелся костёр

> собрался уже уходить как вдруг вспыхнул костёр за рекою

удачная рыбалка перегоняя повизгивает пёс

Андрей Ларионов

восточный ветер под самое утро снится чужая война

зимний полдень еще не сорвался с ветки летящий грач

карпы на рынке пьет под ними лужицу воробей

продавец орехов так внимательны вокруг жирные воробьи

Николай Гранкин

весенний парк у беременной на животе узорчатые тени

классики в старом дворе девочка прыгает мимо клеток

хайку на асфальте хожу между строк

полуденный бриз придумываю названия облакам

первое свидание застёгиваюсь на все пуговицы

вечерняя гроза так и не выяснили отношения

> солнце к закату часовщик рассуждает о временах

настольная лампа в кругу света черчу маршрут путешествия

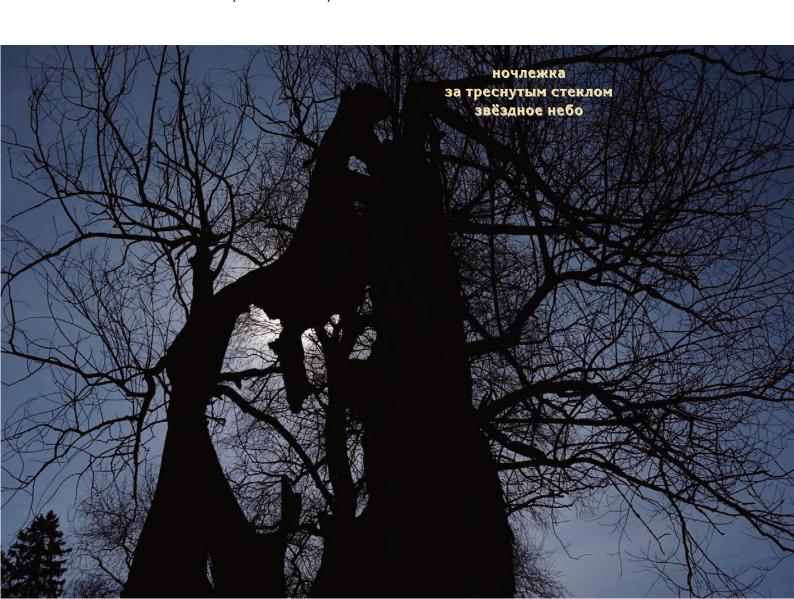

пригородный автобус пахнет пирожками старушка

родное село прячу под лавочку белые ноги

> покосившийся дом на подпорках муравьиные тропки

туман на центральной площади неработающий фонтан

серый день ещё без деталей карандашный набросок

> детский сад у каждого свои буквы в письмах к Деду Морозу

гроздья рябины девочка красит губы нарисованной маме

> долгая оттепель на границе света и тени взъерошенный кот

Виктор Ветлин

придешь — вздыхает уходишь — вздыхает за деревней болото

глубинка облака никуда не спешат

> подросли с травами вместе родные холмы

облака озеро переплывая скрываются в камышах

> водоросли медленно тонет в реке солнечный свет

и ветка не шелохнулась оставила иву луна

> встаю не успевает за мной вмятина на подушке

старый альбом аккуратно обрезанная фотография

одна за другой цистерны в тумане станция Ожерелье гудок тепловоза сорока собой рисует шлагбаум

Ниёля Керушаускене

синее море... на скалистом острове четыре сосны

майский тёплый дождь... приглашает соседка на чашку кофе

AWCA HECRINECWBEHHPPW HEBENKHPPW II

воздушный шар разноцветная толпа становится пятном

затих колокол лишь стук каблуков по старому тротуару

> июльский вечер... до утра за окном играет транзистор

всю ночь горит свеча на рассвете лицо мамы ещё бледнее

> полнолуние... ещё ярче стали башни старого города

Сергей Курбатов

тонкий мир — облака над рекой тонут в небе

течение жизни — ищу своё место после дождя

Александр Галкин

Утренний холод — Попадаю сразу же В оба тапка.

Похолодало. За каждый лист зелёный Цепляюсь взглядом.

Ужин бобыля— Руки пахнут килькой и Далёким морем...

Татьяна Анисовичене

свет фонаря в тёмном вагоне один пассажир

> **Татьяна Анисовичене** Литва, г. Вильнюс

Алексей Фан

оттепель ворота гаража хранят морозный узор

автодосмотр клюют с руки финские синицы

> на проспекте попал в зеленую волну ветер в кронах

Ольга Сторожева

Прогуляла работу... ловила на смартфон водомерок и облака

Тёплый ноябрь с неохотой падают тополиные листья

Первым оставляет ветер следы на снегу

Мирослава Славная

раннее утро с памятника героям счищает снег девочка

> пасмурное утро после праздника чищу апельсин

Анастасия Бабкина

весенние ручьи... подхватывают и несут на руках ребенка

солнечная дорога бежит и бежит по прямой вспугнутая ящерка

бывшая прачечная все в белом весенние вишни

перебираю твои костяные бусы время посадки бобовых

> городские выселки с почтового ящика голубь взлетает

самодельный телефон к дому напротив — киваешь в стаканчик

карликовый петух далеко разлетаются детские крики

салют отдается эхом собачий лай

лунный ореол на тонком насесте дремлет фазан

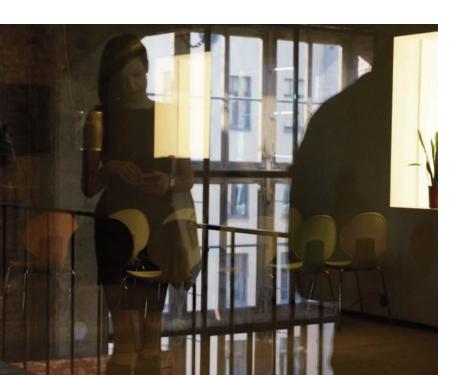
> обжигающий холод пульсирует тело медузы

кормление фазанов среди зрителей бродяжка

> солнечное побережье в кармане среди мелочей монетка

немое кино активно жестикулируем в обсуждениях

театральный вопрос бурно жестикулируем куклами

конец поэтических чтений звякает ветряной колокольчик

просишь прощения вяжущие плоды хурмы

Анна Ладина

теплый денек подрывается с веревки растянутая майка

ветер с моря там, где ели с друзьями арбуз зеленые ростки

> похолодание в банке с водой вянет нарцисс

вездесущие колючки в разрушенном войной доме подкова на счастье

> снежные вершины гор у розы на могильнике еще есть бутоны

из моего гардероба примеряет дочка платок под цвет глаз

> семейство в сборе в паузах стучащих ложек стрекот кузнечиков

поздние хризантемы — есть о чем поговорить с соседкой

расстались легко... по опавшим листьям расхаживает ворон

бывшие супруги — их имена снова вместе среди лайков

встреча одноклассников обретает материальность возраст

Полина Печерская

ранняя весна робко переплетаются первые краски

вербное воскресенье решили приютить пушистых котят

дыхание храма от чьей-то дрожащей свечи свою зажигаю

лимонница девочка на самокате щурится на солнце

> зыбь на пруду повторяется, повторяет рисунок на коре

имигран... ненужное лекарство опять на витрине

> куда... кому... незаполненная почтовая открытка

фильм детства кое-что так и останется черно-белым

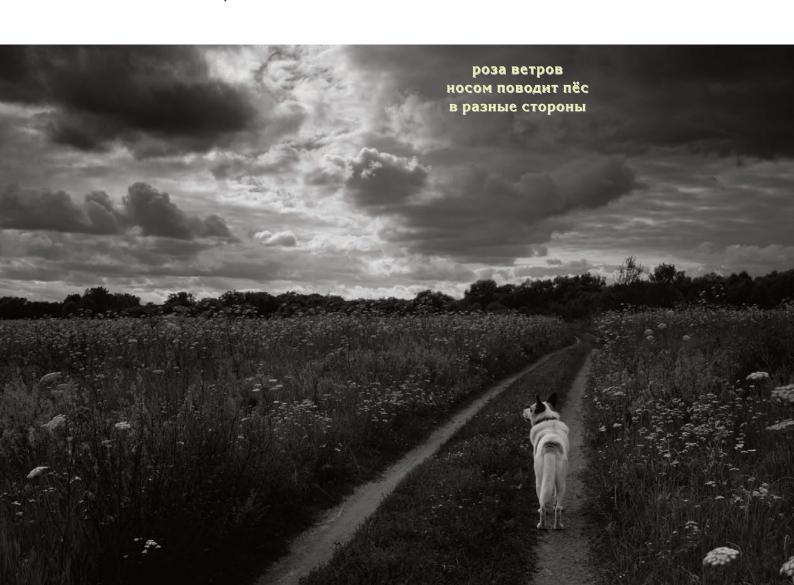
Радион Хузин

морозное утро покряхтывает под ногами дощатый тротуар

вечерний буран на той стороне улицы только вывески

полная луна мёрзлой тропинкой хрустит поздний прохожий

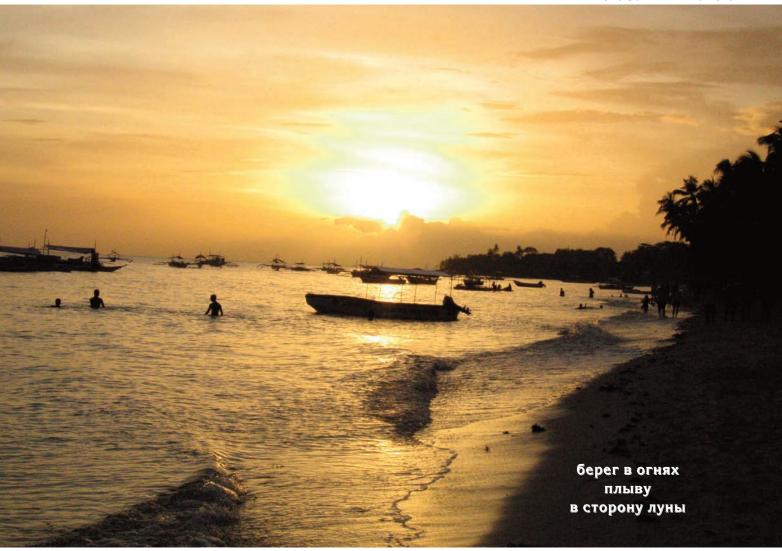
капель у прохожего в чёрном ярко-зелёный пакет

рассвет над рекой Квай поют петухи незнакомые песни

Фото Элины Витомской

Сращение "всявья" звучествий в ягог сращение "всявья" звучень в ягог ещё в ягог ишт плохо, редажущя рекотрым в ягог ишт плохо, редажущя строй в яго строфы в вариант строговаривайтесь отстра вариант проговаривайтесь по, это дах". Проговаривайтельно, это вслуж, вслучина полезно.

хмурый день даже ветер забирается за пазуху

день девочек ещё вся в ягодах рябинка у подъезда

> синие сумерки слышно как падает снег

Сергей Шпиченко

место свидания... на заснеженной рябине пара синиц

зимние сумерки на свежей скатерти хлебные крошки

> в разгар застолья уходит в тень портрет на стене

закат... пришёл ещё раз взглянуть на цветы

> лёгкий флирт щекочут бок луны стебли камыша

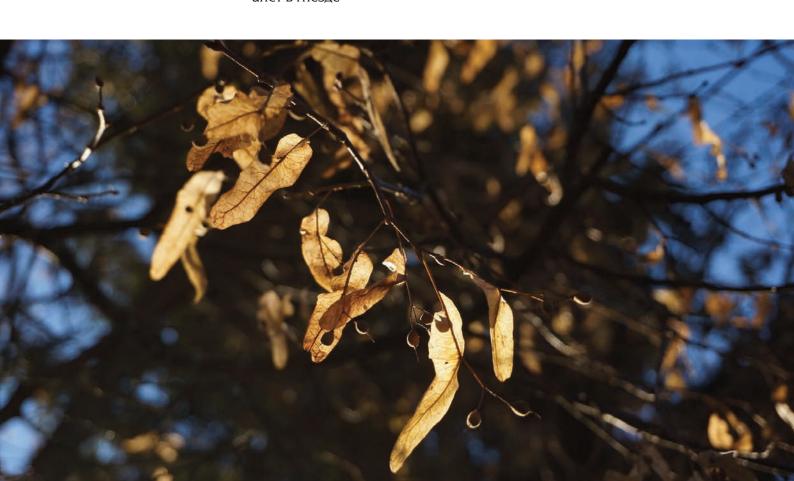
дальний берег мальчик купает коня на закате

> звездопад дремлют в высокой траве гончие псы

районный центр от школы к вокзалу огни фонарей

> шквалистый ветер... на набережной одностороннее движение

осенний призыв пробует крылья аист в гнезде

Алексей Ким

первый снег в прихожей тает твой след

поземка между нами нетронутый снег

снежное утро встретились и смешались две цепочки следов

неспелая хурма на дне замерзшего фонтана Love is...

нежданный выходной хрустит на зубах прошлогоднее варенье

> выходной третий раз поливаю декабрист

тот еще роман в середине закладкой твоя фотография

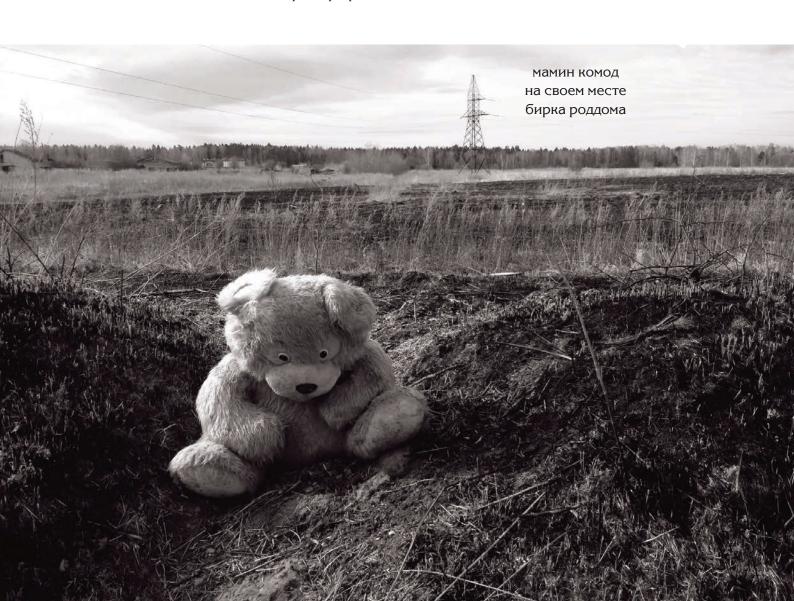
холодный ветер на могильном кресте каркас венка

снова и снова "абонент временно недоступен" новолуние

> раннее утро разбил последнее мамино блюдце

Indicate the political states of the political states

гвозди в стене отпечатки семейных фотографий

Инна Хмель

третья стадия... это сколько осталось в снегопадах?

ожидание морозов топить печь говорить с собакой

белое безмолвие всех следов — скатившийся камень

новый год дед продолжает говорить о первом снеге

> зимняя ночь столько невысказанного в неотправленных письмах

снежная крупа опять спорим чем завтракать

> всю зиму через весь забор "Весна!"

дым из трубы становится петлей дорога домой

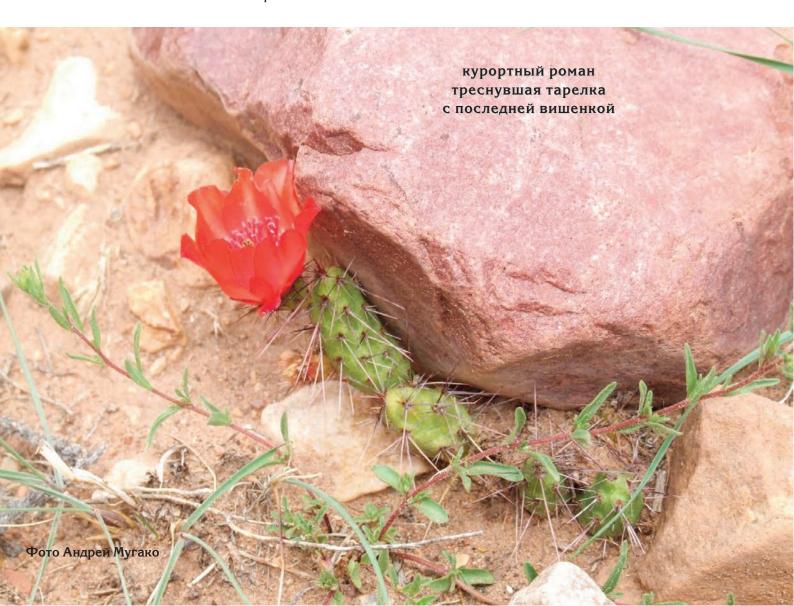

ранняя весна дачный столик сервирован муравьями

апрельский дождь без остатка принимает ржавое ведерко

> новые хозяева даже лужу попробовал соседский кот

пражская улочка под липовым цветом нестройное пение

вход в храм мальчишка резко сбавляет шаг

> конец войны ходит по пустому залу дождь

...а он — выжил. в разбомбленном доме кактус в горшочке

тропа светлячков два фонарика встретились и исчезли...

соль с перцем придерживая волосы смотришь в котелок

> заброшенный храм по утру словно и не было свечей у алтаря

ночной дозор вернулась нерассёдланная лошадь

> с трех перевалов весь маршрут стихи и камни

полная луна некому сказать что я вернулась

> мелодрама выключаешь после момента встречи

одевается... словно и не было летнего дождя

> после развода план на жизнь сменить замок, пароли и планету

осенний ветер во весь парк неприкрытая красота

> новоселье тетка оглянулась и расплакалась

бабушкины сбережения сто лет нечитанные книги

> сделать и эту смерть стихом падающий лист

накативший туман даже ее фигура исчезла из памяти

> знакомы столько лет а узнаю его на панихиде

все — реально все — не реально свидетельство о смерти

Любовь Пахомова

Холодный вечер На окне ветхого дома Орхидея

Вы давно знакомы Ваши письма храню В одном конверте

Тихий праздник
В первый день года
Снежинки украшают окно

Фото Елены Шастиной

Евгений Иваницкий

прячется краб за темнеющим камнем осенний закат

в день влюблённых по замёрзшей воде идём и идём...

Евгений Иваницкий

Публиковался в журналах «Север», «Юность», «Крым», «Невский альманах», «Союз писателей», «Щёлково», в некоторых предыдущих номерах журнала «Улитка», «Ёршик», «Миша», в «ЛГ», в альманахах Московского Клуба Афористики. Лауреат, призёр, дипломант ряда международных поэтических конкурсов.

Александр Шитковский

служебный автобус касаясь плечами смотрим в туман

полтинник со щербинкой круглая луна

детский секрет подо льдом разноцветные листья

дом на продажу жмётся к ногам рыжая кошка

> одинокий клонится подсолнух у крыльца

август как угорелые ласточки

> бывай жму лапу пожелтевшей ёлке

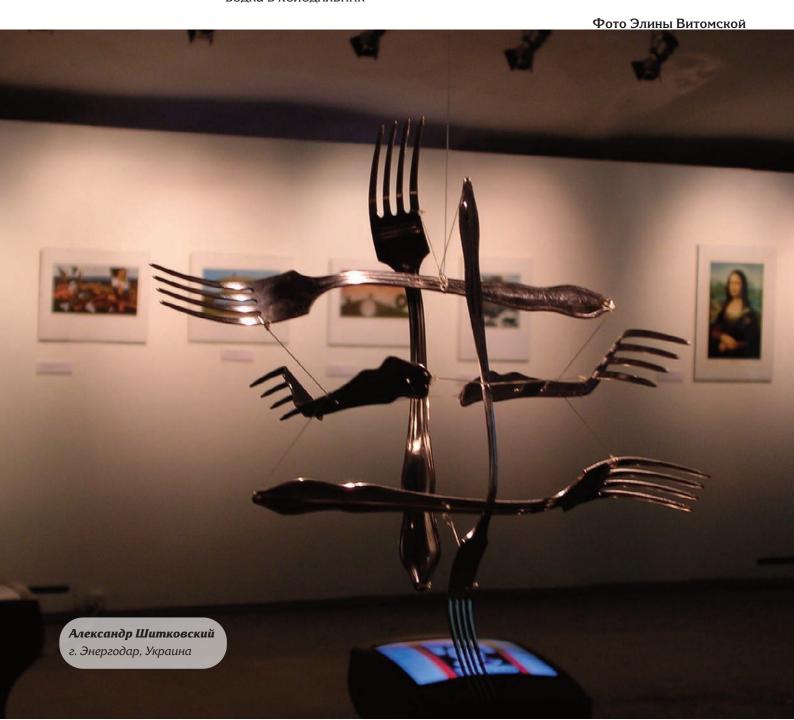
Персеиды в прибрежной кафешке аншлаг

(0)

вечный двигатель разбираю бумаги школьного друга

тайная шкатулка на стопке ассигнаций куриный бог

твой звонок возвращается водка в холодильник

Иса

Подборку для четырнадцатой "Улитки" делала из "77 дней "практики Бусона". Правда, не всегда это было 10 стихов в день, но честно - каждый день. Цифру 7 люблю, поэтому сразу решила пройти именно семидесятисемидневную, да и задачи писать по десять стихов себе не ставила. Просто — делать сколько-то штрихов дня. Впечатления от общего процесса довольно двоякие — были дни, когда уже немного подташнивало от всего этого (как будто груз обязательств), но были и такие, когда слова просто просились наружу. И еще — по продолжительности практика совпала с затянувшимся сезоном дождей, плавно начавшимся в конце весны и закончившимся в конце осени. Так что очень много дождя, зеленого дождя — аоцую (есть такое киго, японское 青梅雨 — как выяснилось уже месяца два спустя после практики). Зарисовки, как и предписывалось Бусоном, почти спонтанные, без додумывания и достижения "хаими" (лаконичности и отточенности, свойственных хайку).

Вот как Ёса Бусон вспоминает своего учителя Хаяно Хадзина (1677-1742), который взял его в ученики в 1737 году (Бусону 21 год): «Мы часто беседовали о хайкай, но, когда речь заходила о чем-то постороннем, мирском, он делал вид, что ничего не слышал. Почтенный старец обладал благороднейшими свойствами души. Однажды вечером, сидя весьма чинно, выпрямившись, он сказал мне: «В искусстве хайкай не обязательно строго придерживаться предписаний учителя. Стихотворение должно складывать сразу, не думая, что в начале, а что потом, меняя и переставляя все согласно мгновенному озарению». И тут, когда меня коснулась палочка Учителя, испытал просветление и понял, что означает свобода выражения в хайкай» (Д. Кин, "Японская литература 17-19 столетий", стр.237)

Падают в воду Цветы — и будто их не бывало — Слива на берегу

(Ёса Бусон, пер. Т. Соколова-Делюсина)

последний день лета прочитывает турникет посадочный талон

второй день осени фиксирую повадки влюбленных

> городской фонтан в дождь поднимает вверх и дождь

утренний туман где-то тут соединяются звуки колоколов двух храмов

> быстрые сумерки ребенок уточняет у мамы не заболели ли они

осеннее утро тапочки после прогулки смотрят в разные стороны

дожди в верховьях почти касается воды середина подвесного моста

Фото Элины Витомской

теплый день маленькая девочка дотягивается до своих пяточек

> летние сумерки половинки дождевого червя движутся в том направлении

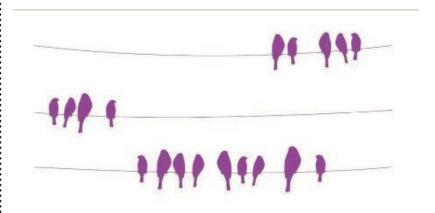
летняя луна не хочу помогать одноклассникам найти меня в гугл

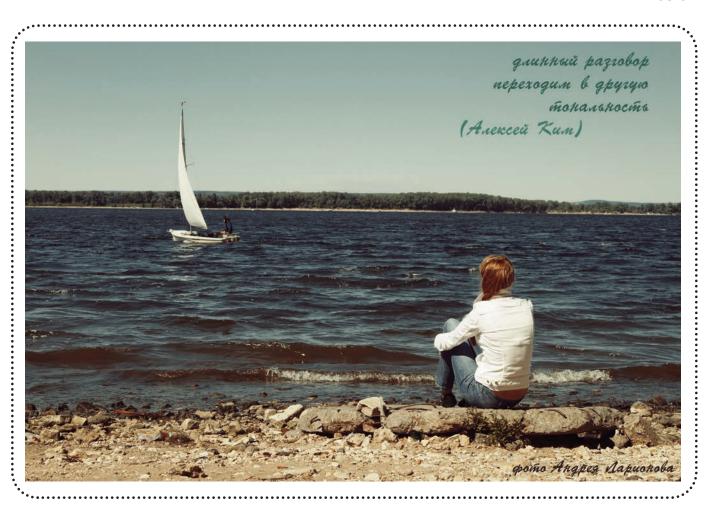

Итоги конкурса "Мелодия хайку или три аккорда в три строки"

Как изобразить музыку словами, если слов — всего три строки?

Анонимный конкурс как всегда проходил на сайте www.konkurs.xaйдзин.pф/haiku с 25 января по 20 февраля 2016 года. На конкурс было прислано 136 хайку и танка. Количество конкурсных танка позволило выделить их в отдельную группу со своим фаворитом. Для победителей — ставшие уже хорошей традицией призы: фотоку от редакции. Поздравляем всех авторов, прошедших двойное сито отбора и попавших в итоговый ТОП!

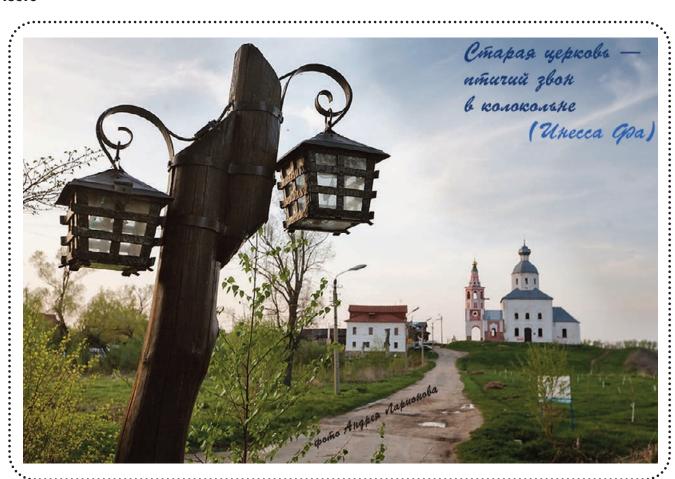

2 место

первая гроза радуей яркая зелень. ипичьи голоса b inboux ropax nums cher и воет волком выога (Ниёля Керушаускене)

4 место

летняя эстрада пробует голос ветер в пустой бутылке (Сергей Шпиченко)

5 место

длинные гудки
она не возьмёт трубку
до припева
(Константин Авхимович)

6 место

музей-квартира ложатся тени деревьев на нотный стан (Сергей Шпиченко)

7 место

школьный оркестр чуть торопится первая скрипка (Николай Гранкин)

8 место

шелест листьев... все звуки в темноте меняют тональность (Ниёля Керушаускене)

9-10 место

времена года на кончике дирижерской палочки зима

(Таня Танина)

9-10 место

музыкальная школа ищет свой путь дождинка на окне (Сергей Шпиченко)

11 место

венский вальс скрипят в унисон старые доски (Александр Шитковский)

12 место

военный оркестр марширует по медным трубам майский дождь (Яна Полтарак)

13 место

гимн солнцу исчезает из виду береговая линия (Людмила Грачева)

14 место

финальный аккорд снимаю кошачий волос с впередисидящего (Константин Авхимович)

15 место

воробьи на проводах битый час учу нотную грамоту (Виктор Ветлин)

Итоги конкурса "Сны и сновидения"

Сон сладкий, сон глубокий или прерывистый. Кошмар, дремота, погружение в объятия морфея... Сколько разных состояний и слов для них придумало человечество. А сколько хайку придумали участники конкурса?

Анонимный конкурс как всегда проходил на сайте www.konkurs.xaйдзин.pф/haiku с 21февраля по 15 марта 2016 года. Было прислано 151 хайку и танка.

Так же как и в предыдущем конкурсе, хайку и танка были разведены в разные категории. Поздравляем авторов, занявших высокие места, призерам — наши традиционные фотоку!

2 место

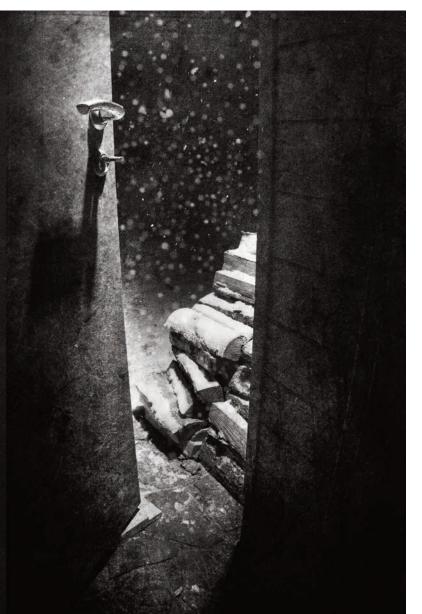

4 место

шум дождя тише к утру храп в соседней палатке (Радион Хузин)

5-6 место

душный июль твое дыхание между лопаток

(Анастасия Немчук)

5-6 место

долгий взгляд пробуждаются Вселенные

(Анна Ладина)

7 место

в сновидении на звонок открываю дверь соловью (Валентина Назарова)

8 место

во сне умереть как отец и вишней цвести над оградой (Наиля Ахунова)

9-10 место

сон в руку от края до края воронье небо (Светлана Соколова)

9-10 место

душная ночь всех кого знал посетил в своих снах (Алексей Ким)

11 место

Поезд "Камышин - Москва" наконец-то расскажу маме все свои сны
(Ольга Сторожева)

12-14 место

Ещё бы секунду... Опять просыпаюсь Не обняв маму... (Галина Сухорукова)

12-14 место

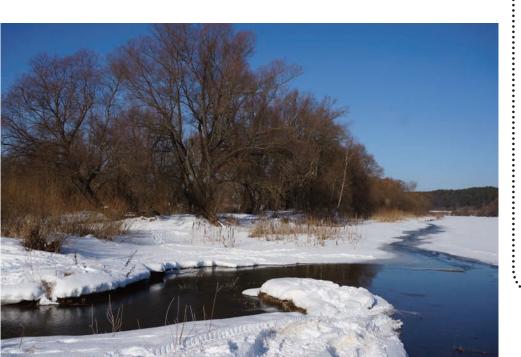
ты подошел так близко....
невзлетевшие бабочки
прерванного сна
(Лана Федотова)

12-14 место

Снег пошёл во сне... кутаюсь в одеяло (Ольга Сторожева)

15 место

зимний лес просыпается во мне художник (Светлана Кондратьева)

Ольга Сторожева

крупными хлопьями снег мир перешёл на шёпот

Ольга Черных

морозное утро в дальнем углу сна крик вороны

Полина Печерская

не хотел и снова сорвался... апрельский снег

поздняя осень не отреставрировали и ладно

Светлана Крюкова

цветы для пчёл? спроси меня— не отвечу Одиночество

пламя осеннего ветра листва взлетела

Светлана Крюкова

Публиковалась в журнале «Арион» под псевдонимом Лана Андросова, многочисленные публикации в литературнофилософском журнале «Топос», журналах «Зарубежные Задворки», «Журнал Поэтов».

В настоящее время студентка Литературного института им. А.М. Горького

они всегда возвращаются крадучись идут по выжженной земле призраки любимых мужчин

Яна Полтарак

небесная акварель стеблем к облаку след самолёта

Иса

собранные в охапку золотые шары впустили в свою вселенную

Евгений Иваницкий

Остыл в погребах осеннего солнца густеющий мёд...

Анна Ладина

мягкое осеннее солнце от чашки чая на веранде расширяется мир

Николай Гранкин

шахматы в парке листья ходят без очереди

Михаил Ляблин

осенний дождик вздохнуло сложенное вчетверо письмо

Инна Хмель

любовь слова перестают быть воздухом

Надежда Владимирская

Время бежит. Между стартом и финишем Шлейф из песка.

Виктор Ветлин

в позе лотоса каменный Будда в руках пустота

Александр Новожилов

полнолуние сквозь шторы пробивается отражение солнца

танец ветра переминается с ноги на ногу лес

Александр Новожилов Живет в городе Липецке

Света Лита Рассказы к хайку Ольги Черных

* * *

как бы не передумать улететь по весне вслед за облаками

> В темноте он как занесённая снегом льдина. Ему снится вязкая ледяная вода и вкусный тюлень.

Денёк погожий, в каждой руке у тебя детская ладонь — как будто держишь за руки облака.

Разговорчивые, кипящие всем сразу — и удивительно спокойные, пока ещё очень похожие на своих небесных собратьев.

Их лёгкость переливается вокруг, лишает веса и подкидывает тепла — горячей и радостней солнца.

Пока лихорадочно придумываешь ответ на следующий вопрос, асфальт под подошвами превращается в мягкий, зелёный, полный солнца воздух. И не ты ведёшь облачных эльфов, и не они ведут тебя — вы вместе идёте — летите — по дороге, которая вот прямо сейчас, сию секунду возникает, чтобы подхватить новый шаг, — в глубину и высоту одновременно.

Потом вы снижаетесь на пару часов — съесть мороженое (тоже облачное, одно на троих), отдохнуть от гонок за ласточками, восхититься новыми бантиками листвы на ветках...

Повзрослеть, вырасти — и уменьшиться, как тени — буднично, незаметно, неумолимо потяжелеть, постареть, проститься — и опять взяться за руки, чтобы привычно глянуть на мир с облачной высоты.

* * *

о чём ты думаешь? раз за разом поливаю колючку

— Прокляну, как Иисус смоковницу, — не очень уверенно пригрозила я. Кактус, конечно, ничего не ответил. Он мрачно смотрел в окно — может быть, силился представить

вместо асфальта, машин, собак и пыльной листвы полотно песка, вытканное солнцем.

— Тебя бы там верблюды съели. Или бурей замело.

Разумеется, он промолчал. Только ещё больше заострились колючки.

Выбросить бы — но ты просил за ним присмотреть, пока не вернёшься. Неужели из такой дали возвращаются? Не знаю. Кактус тоже не знал, почему хозяин его оставил, и медленно умирал от тоски, как верный пёс.

— Мне тоже, может, лечь умереть? Ну и что, что его нет? Что теперь? Дождь не пойдёт? В сердцах я сунула его на самый солнцепёк — такой страшный, что, кажется, даже ночью в этом месте светило второе, чёрное солнце. И дождь, может быть, правда забыл сюда дорогу?

Кактус вздрогнул в горшке и опять, конечно же, не проронил ни слова. Целую неделю, мучаясь от жары, освежаясь мороженым, душем, вентилятором, мыслями об Арктике, не ходила в дальний конец лоджии, давая кактусу право умереть с достоинством.

Вечером в четверг с неба хлынуло. Вышла посмотреть, как акварельные змеи воды пожирают изображение города на стекле. Кактус сидел, то есть стоял, как его и оставила, по-прежнему безмолвный, мрачный и скукоженный.

Только слева на макушке — маленький красный цветок.

* * *

солнечное утро так и не вспомню вчерашний разговор

— Вот, — она взмахнула рукой, — тут я и живу.

Врач поморгал, привыкая к свету лампочки (картины на стенах, темнота в окнах, на драных обоях

- полустёртые детские рисунки), вежливо улыбнулся.
- Очень хорошо. Проводите меня к 13 июня.

Она подошла к самой свежей картине (краски ещё не просохли), на которой нервно цвела клумба. Хозяйка ладонью провела по холсту, как по лицу спящего. Краска потекла под наплывом памяти. Рама картины превратилась в оконную, затрещала, распахнулась прямо навстречу незнакомцам. Те вздрогнули, один что-то уронил, другой поморщился, щёлкнул предохранителем, навёл дуло на зрителей...

Выстрел погас.

- А дальше?
- Bcë.

Клумба цвела на прежнем месте.

- Вам лучше вспомнить сейчас. Этих людей нигде не могут найти. Между тем, это важные...
- ...убийцы?
- ...специалисты.
- Ладно. Только пусть она живёт как жила и не вспомнит и обо мне тоже. Вашей странной магии для этого хватит?
- Сделаем! А что она сейчас помнит? И... вы, собственно, кто?

Она усмехнулась.

— Ну, она помнит, как очень испугалась и внезапно обрела сверхъестественные способности. Я, понимаете ли, просто отдыхаю в её теле, никому не мешаю и скоро уйду. Но вам проще будет счесть меня шизофренией.

Она перевернула картину с клумбой изображением к стене. В чёрном проёме врач увидел тех же грабителей — они истончались в её пальцах, теряли объём: двумерные картинки, повёрнутые торцом...

Врач почувствовал, как от её голоса по спине железной щёткой проехался мороз.

— Они на прежнем месте. Просто надо их повернуть.

Она протянула руку в картину, осторожно щёлкнула каждого плоского человечка, одному за другим возвращая объём, перемещая их в подвал.

— Чтобы не срывать вашу операцию. Они ведь туда стремились попасть?

Врач нашёл в себе силы кивнуть и даже заговорить:

- Да. Вы... то есть эта женщина, уборщица, застала их совершенно случайно...
- Это уже всё равно. С ребят ваших всё сойдёт, как с гуся вода, они крепкие. А ей дайте что-нибудь безопасное и подарите интересный сон, в котором ни вас, ни меня не будет. Всего доброго.

Фэнбун

Лампочка у них над головами погасла, врач чуть не закричал, но тут дверь, сквозь которую он вошёл (неужели всего секунду назад?), распахнулась. Краем глаза он заметил движение в темноте — там, где только что стояла она, — и опрометью бросился вон.

Когда он открыл глаза, приборы панически пищали, его пульс грохотал на всю комнату. Он, скользкой от пота, ладонью отцепил от вены иглу с раствором-проводником, махнул помощникам за стеклом. Они выбежали из-за стекла, бросились по стандартной схеме насыщать кровь свидетельницы сложными составами, не позволяя себе удивлённых взглядов в сторону начальника, у которого за несколько минут сеанса прибавилось морщин и седины.

Присев на краешек кровати свидетельницы, врач наклонился к её уху и заговорил задушевным голосом:

— Вы, как обычно, вернулись с работы и крепко проспали всю ночь. Вам снился удивительный сон...

Невидимая рука подтолкнула её в явь, к лицу прикоснулся тёплый солнечный луч. Медля открыть веки, она улыбнулась уходящему сну и новому дню.

